Заклятие предков

Автор:
Александр Прозоров

Заклятие предков

Александр Дмитриевич Прозоров

Ведун #3

Он пришел из нашего мира... Его называли... ВЕДУН!

Великое прошлое Руси скрывает тайны, способные поколебать все мироздание. Познание прошлого рождает ответственность за будущее.

Сумеет ли Олег Середин сохранить Родину, или она превратится в безжизненную пустыню, населенную нежитью? Это зависит не только от сил магии, не только от разума человека из далекого двадцатого века, но и от готовности Ведуна и воина без колебаний обнажить свой верный клинок во имя земли Русской.

Александр ПРОЗОРОВ

ЗАКЛЯТИЕ ПРЕДКОВ

Печора

Узкий санный след, местами занесенный снегом и кое-где отмеченный темными пятнами конских катышков, тянулся по белой пустынной полосе, плавно

изгибающейся меж череды стройных сосен и мрачными еловыми зарослями. Прошедший недавно обоз оставил после себя и несколько щедрых пучков соломы, и горстку зерна, что, вероятно, высыпалась из протершегося мешка. Сущая мелочь для тяжело нагруженных путников – и целое сокровище для здешних, неизбалованных подарками, обитателей.

Серая полевка, отделившись от пышного красноватого кустарника, стремительными полуметровыми прыжками домчалась до просыпанной ржи, остановилась, торопливо поглощая утонувшие в снежном пухе зернышки. Судя по количеству следов, была она здесь уже не в первый раз, но неведомая мышиная берегиня так и не допустила нападения на нее ни бесшумной когтистой совы, ни пронырливой лисицы.

Внезапно меховой комочек замер, приподняв голову, настороженно к чему-то прислушался, а потом во всю прыть пустился назад, к кустарнику. А между деревьями заметалась громкая заунывная песня:

Об этом, товарищ, не вспомнить без слез,

Как двух инженеров послали в колхоз,

Их вывели рано, и дали на них

Огро-омное поле, огро-омное поле,

Огро-о-о-омное поле… Одно – на двоих.

Огромное солнце им лысины жгло,

Огромное поле сурепкой цвело,

Им в руки впивался колючий осоо-о-от…

Но шли инженеры, но шли инженеры,

Но шли инженеры вперед… и вперед…

Из-за поворота, следуя по санному следу, неспешным шагом выехал всадник. В толстом суконном налатнике, подбитом гладким бобровым мехом, в лисьем малахае, длинные наушники которого опускались до самых плеч, в пухлых заячьих рукавицах и в таких же толстых, заправленных в валенки, бурых шароварах, путник походил бы на небогатого боярского сына или весьма

зажиточного крестьянина, если бы не длинная кривая сабля, что болталась сбоку, постукивая кончиком ножен по притороченному к седлу, круглому щиту, окованному железной полосой. Здесь, на Руси, пока еще мало кто предпочитал прямому обоюдоострому мечу это легкое, но куда более смертоносное оружие – так что одинокий воин, который вел в поводу навьюченного всего лишь парой чересседельных сумок чалого заводного коня, был отнюдь не так прост, как могло показаться на первый взгляд.

Впрочем, кто бы и как бы тщательно ни вглядывался в странствующего ведуна, истинная история его попадания в этот мир была слишком невероятна как для здешних обитателей, так и для физиков далекого двадцать первого века. В нее не поверил бы никто, даже расскажи ее путник сам, но Олег Середин отнюдь не стремило делиться своим прошлым, ставшим одновременно и будущим, со случайными знакомыми.

Ужасная боль нарастала в спине,

Хотелось упасть и лежать на земле,

Но начата грядка и бро-о-оси-ить нельзя-я-я-я!!!

"Дотянем до леса, дотянем до леса,

Дотянем до леса", – решили друзья…

Поравнявшись с кустарником, Олег натянул поводья и повернул голову, разглядывая полянку, что обнаружилась за густым ивняком. Хорошая, уютная, прикрытая со всех сторон от посторонних глаз. Не то что бы ведун боялся внезапного нападения – просто привычка заботиться о своей единственной шкуре уже успела въесться ему в плоть и кровь. Хочешь жить – всегда будь готов вступить в схватку с врагом. Даже когда опасности нет и быть не может.

– Опять же и от ветра прикроет, – задумчиво пробормотал Середин, покосился на небо. – Да, скоро совсем будет смеркаться. Пора и о ночлеге подумать.

Он потянул правый повод, поворачивая гнедую в сторону поляны, и, заехав за куст, спешился. Тут же расстегнул подпругу, снял щит и суму, скинул седло. Затем освободил от ноши чалого коня. Спутав лошадям ноги и оставив их хватать губами снег, он достал из одной сумки топор, отправился в быстро темнеющий лес. Вскоре ведун вернулся с охапкой хвороста и лапником,

несмотря на мороз терпко пахнущим смолой. Второй ходкой притащил тонкую, сантиметров десяти толщиной, сухостоину. Разрубив ее пополам, Олег сдвинул получившиеся бревнышки, настрогал сверху щепок, сложил небольшим шалашиком, снизу поместил свернутую бересту. Достав из сумы просушенный болотный мох и зажигалку, он несколько раз чиркнул кресалом, выбивая искры на белесые упругие пряди, потом начал раздувать возникший дымок, подпихивая под него лохмотья бересты, – а когда она полыхнула пламенем, тут же сунул огонь в «шалашик».

Пока костер разгорался, Середин наполнил торбы овсом, чтобы после питья повесить их на головы лошадям, потом вбил в мерзлую землю длинный штырь с крюком, доставшийся ему вместе с хазарской походной кузней, повесил на него котелок, до краев закидал снегом, примял хорошенько, накидал еще. Вынул из сумки и встряхнул кожаный мешок, тоже набил снегом, пристроил возле шеста. Лошадям воду кипятить не нужно, только растопить. Так что в пламя мешок пихать ни к чему.

– Кажется, по хозяйству все… – задумчиво оглянулся ведун. – Теперь можно петь песни, пить пиво и смотреть телевизор…

С этими словами он расстелил на лапнике медвежью шкуру и с видимым удовольствием свалился сверху, глядя в весело приплясывающий огонь.

Хорошо зимой на Руси! Дождей нет, грязи нет, комары и мошка вместе с криксами, мавками, лопатницами и лихорадками забились куда-то по норам спать до весны. Для путника нет нужды одну лишь солонину да мясо сушеное или рыбу жевать. Бери с собой хоть свинину, хоть рыбу, хоть птицу ощипанную – дедушка Мороз все убережет, ничего по дороге червякам да плесени сожрать не даст. А что прохладненько бывает – так ведь не голышом люди по свету ходят! В шубейке добротной, да в шапке с ушами, да в валенках высоких, в штанах меховых и в крытых холстиной рукавицах – в любой холод жарко. Больше хочется ворот расстегнуть да морозный воздух вдохнуть полной грудью, а не на батарею теплую сесть, поджав ноги в ботиночках на тонкой подошве.

Середин, вспомнив ненавистную, слякотную, городскую зиму, криво усмехнулся, достал из сумы завернутую в тряпицу куриную полть, кинул в котелок, добавил еще снега – он, как растает, раз в десять по объему уменьшается, – сверху щедро сыпанул перца с солью, немного – сушеного сельдерея и петрушки, что дала на дорогу красавица Милена из Петушков, в которых он останавливался

три дня назад.

Да-а, зимою Русь не та. Совсем другой страной становится – ни по виду, ни по жителям не узнать. В летнюю пору каждый человек на ее просторах – работяга старательный, отдыха не знающий. Всякому от мала до велика работа находится: и мальцам – гусей пасти, и старикам – баклуши бить. И девкам, и бабам – а уж крепким мужикам даже спать толком некогда. Все надо успеть: и вспахать, и накосить, и отрыть, и срубить – все, за что ни возьмись, летом делается. Леса под теплым солнышком стоят густые, поля – колосящиеся, луга – темно-зеленые, непролазные, с травой по пояс, густой, хрустящей. Летние, узкие и пыльные, дороги стыдливо петляют средь дубрав, огибая болота и овраги, то и дело упираясь в полноводные реки, по которым величаво скользят огромные ладьи; и каждый корабль несет в своем трюме тонн двести груза, а на палубе – с полсотни бойцов лихой судовой рати.

Но стоит матушке-зиме бросить на землю белое покрывало – как все меняется, словно по волшебству. Вместо летников бескрайние просторы прорезают зимники – дороги широкие, прямые, не боящиеся ни болот, ни полей, ни глубоких проток. Куда хочешь добраться – туда напрямую и торишь санную стезю. Впрочем, главными путями все равно остаются реки – ведь до каждого, почитай, селения дотягивается хоть один, пусть узенький и вертлявый, ручеек. Вот только тяжелым ладьям не подняться по мелководным протокам, не довезти товар в далекую глубинку. Однако же, едва стужа превратит воду из зыбкой ряби в прочную и ровную, как взлетная полоса, опору – как по этим ручейкам отправляются с товаром на санях, а то и просто верхом мелкие менялы, офени, дождавшиеся у битком забитых складов своего часа.

Зимой уходит в небытие черная непроницаемая ночь – потому как укрывающее все и вся серебристое одеяло отказывается принимать в себя свет и отражает его, заставляя висеть над землею желтоватой прозрачной пеленой. Сбросившие листву леса просвечивают далеко окрест, не желая прятать в себе ни зверя, ни человека. Поля, болота, луга сливаются в единый однотонный простор, коварно прячущий под хрупким настом где пенек, а где и глубокую яму. Ну, а люди… Что за дела зимой у мужика? Разве за дровами съездить, али по хозяйству что подлатать. А много ли на это времени нужно? Вот и начинается с первым снегом веселье. Где просто пьют запасенную в подполе бражку да мед хмельной, где гулянки устраивают: крепости снежные штурмуют, на кулаках дерутся, скачки затевают, девичники с песнями и хороводами. В порубежье мужики со скуки иной раз мечи дедовские вытаскивают, сколачивают щиты на скору руку,

надевают тулупчики потолще, тегиляи, плотно стеганные, кому не лень – пластинками железными куртки обшивают. Да и отправляются ватагой к соседям – обиды старые поминать, юбки у девок задирать, добра разного для дома-хозяйства добывать. Глядишь – и вернутся с лишними конями, топорами, а то и невольниками. Коли зима – отчего бы и не побаловать?

Впрочем, как понимал Середин, в здешние припечорские земли такие разбойничьи отряды не совались. И не столько потому, что места эти считались новгородской вотчиной – а с новгородцами связываться не рисковал никто от Китая до Карфагена, – но в большей степени оттого, что деревеньки здесь стояли друг от друга далеко, жили небогато. Чтобы мало-мальски приличную добычу собрать, верст триста нужно тащиться, если не больше. Ради развлечения в такие концы не очень-то и отправишься. Опять же, промысловики новгородские тоже зимой за шкурками пушистыми уходят. Напорешься на таких… С местными они еще торгуют, а вот чужих – режут без разговоров. Пиши потом жалобы Белбогу, гаранту справедливости – живота уже не вернешь.

Олег подбросил в котелок еще снега взамен растаявшего, пошарил в суме, отломил краешек от закоченевшего пряженца, отнес к кустарнику и с поклоном положил у корней – а ну, не спит берсгиня в этом глухом углу? Глядишь, тогда и убаюкает, и покой ночью убережет. Ведун вернулся на шкуру, лег, прислушался… Нет, не шелестят ветки, не дует по щекам странный ветерок.

Стало быть, и здесь до весны рассчитывать можно только на себя.

Котелок, растопив снег, опять заклокотал, и по лесным зарослям поползли такие ароматные запахи, что у всех волков, лис и куниц на десять верст вокруг желудки должно было свести голодными судорогами. Середин, сглотнув, распахнул налатник, выдернул из ножен короткий, в полтора указательных пальца, узкий нож с резной костяной рукоятью, помешал им свое варево, потыкал мясо.

– Вроде мягкое, – решил путник. – Эх, горячее сырым не бывает.

Он вернул нож на место, отцепил с ремня большую, с половину поварешки, серебряную походную ложку, принялся помаленьку прихлебывать горяченный бульон. Получалось медленно – пока зачерпнешь, пока дождешься, чтобы остыло. Вскоре терпение у Олега лопнуло – он решительно снял котелок с огня,

поставил его прямо в снег, выудил из бульона курицу, подержал немного на холодном воздухе и разорвал на несколько кусков, которые тут же один за другим уписал. Бульон к этому времени практически остыл и, закончив с мясом, ведун допил его через край. Тело налилось блаженной истомой. Электрическая сила – как же мало нужно человеку для полного счастья!

Даже не пытаясь удерживать слипающихся век, Середин нащупал в чересседельной сумке среди припасов лохмотья сальной хазарской шапки, привычно отполосовал кусок кожи с мехом, кинул на угли. Воздух мгновенно наполнился гнусной вонью.

– Вот так…

Наговоров и заклятий звери лесные не боялись, а вот запах жженой шерсти понимали отлично. Для них это означало опасность. Что же касается людей – то здесь, на затерявшейся среди печорских лесов реке Синташте, ночью, в трех днях пути от ближайшего селения… Здесь ведун не опасался людей ни капельки. Тем паче что огонь скоро погаснет, и в зимних сумерках с реки одинокого путника за кустарником все равно никто не разглядит. Поэтому Олег просто вытянулся во весь рост, завернулся в шкуру и закрыл глаза.

Разбудил ведуна краткий горячий укол освященного креста, примотанного к левому запястью. Еще не проснувшись толком, Середин сорвал с себя шкуру, вскочил на ноги, выхватил саблю… Однако же крест остыл так же быстро, как и нагрелся, а нечисть, вызвавшая столь резкую реакцию отторжения у серебряной вещицы, так и не проявилась в пределах видимости.

Олег с облегчением перевел дух, вернул оружие в ножны, огляделся. Небо уже светлело, в сосновых кронах с торопливым перестуком носились какие-то пичуги, на реке, среди конских кучек, старательно мышковала нахальная лиса.

– Будем считать, утро наступило, – сладко потянулся отдохнувший путник и снял опустевшие торбы с конских голов. – Пора и нам.

Лошади опустили морды к снегу, а Олег, достав из сумы пощипанный вечером пряженец с рыбой, принялся жевать его прямо холодным, одновременно сворачивая лагерь – складывая шкуру, убирая котелок, раскачивая и выдергивая из земли штырь. Вот и вся работа. Ведун закинул сумки на спину чалому мерину,

седло вернул на спину гнедой, привычно поднялся в него.

– Поехали, родимая! – Он выбрался на припорошенный снегом речной лед, повернул направо и завел еще не написанную Высоцким песню:

В заколдованных, дремучих, старых Муромских лесах,

Нечисть там бродила тучей, на проезжих сея страх,

Воют воем, что твои упокойники,

Если есть там соловьи – то разбойники.

Стра-а-а-ашно, аж жуть…

В заколдованных болотах там кикиморы живут…

Тут Олег сбился, недоуменно поморщившись:

– С чего бы это кикиморам на болоте взяться? Кикиморы – они твари домашние. Сидят себе в темных сырых уголках да пакостят по мелочам. То пряжу перепутают, то квашню опрокинут. А болото… Чего им там делать? Ох, Высоцкий… Сбрехнул – а люди верят. Так потом и начинают у них в головах то русалки с рыбьими хвостами гулять, то кикиморы по болотам бегать.

Ведун зачесал затылок, придумывая рифму, но в голову ничего не пришло, и он, махнув рукой – все едино никто не слышит, – продолжил:

В заколдованных болотах там кикиморы живут,

Защекочут до икоты и на дно уволокут,

Будь ты конный, будь ты пеший – заграбастают,

Ну, а лешие так по лесу и ш-шастаю-ют.

Стра-а-а-ашно, аж жуть…

Неожиданно запястье опять кольнуло нагревшимся крестом. Ведун натянул поводья, остановился, приподнялся на стременах, внимательно оглядываясь… Ничего. Лес как лес. Ни шороха, ни хруста. Ну, разве берега в этом месте немного повыше, а более ничего особенного.

Тронув гнедую пятками, Середин двинулся дальше, и вскоре крест остыл. Заехав за излучину, ведун опять придержал коней, а потом решительно развернулся, помчался назад, приблизился к подозрительному месту. Крест нагрелся – но никаких изменений вокруг так и не произошло.

– Ладно, – решил Олег. – Может, и нет здесь никакой нежити. Может, колдун какой сильное заклятье сотворил, вот крест его и чует. Может, даже и доброе заклятье. Христианству-то ведь все равно…

Он бросил на берега прощальный взгляд и снова тронулся вверх по реке размеренным шагом – ни от кого не убегая и никуда не торопясь.

– Так, на чем мы остановились? На чем-то страшном.. А, вспомнил…

Олег старательно прокашлялся и запел:

Вихри враждебные веют над нами,

Темные силы нас злобно гнетут,

В бой роковой мы вступили с врагами,

Нас еще судьбы безвестные ждут…

Освященное в Князь-Владимирском соборе серебряное распятье остыло, свидетельствуя о том, что сгусток нехристианской магии остался где-то позади, и Середин снова придержал лошадку, испытывая нехорошее предчувствие – пока еще неопределенное, но ведун своему чутью привык доверять. Лучше десять раз понапрасну перестраховаться, чем один – булавой по голове схлопотать.

Но мы поднимем гордо и смело

Знамя борьбы за рабочее дело,

Знамя великой борьбы всех народов

За лучший мир, за святую свободу…

В этот момент откуда-то издалека донеслось конское ржание, и Олег запнулся, прислушиваясь к новым звукам. Ржание оборвалось, сменившись тихим всхрапыванием. Потом опять послышался призывный лошадиный крик.

– Вот и попутчики… – задумчиво пробормотал ведун.

Обычно наглое ржание означало близость дикого табуна или крупной княжеской дружины. Орут когда ни попадя только натуральные жеребцы. В смысле – не оскопленные. Доказывают, так сказать, свои мужские качества: то соперников на бой вызывают, то табун зовут, то с самками заигрывают. Посему ни в хозяйство, ни в боевой поход жеребцов не берут – больно уж капризные. Характер любят показать, драку затеять, с хозяином норовом потягаться. Голос опять же подать по поводу и без повода. На жеребце и в засаде на спрячешься, и в строю плотном не пойдешь – грызутся, брыкаются, выделиться норовят. В общем, коли жеребец под седлом и идет, то только один на армию, под полководцем, в чисто выпендрежных целях. Дескать – вот я какой, на жеребце гарцую! А выпендриваются чаще всего молодые князья, задиристые и безбашенные. Те, что еще ни имени, ни доблестей не имеют и очень прославиться хотят.

– Дикого табуна здесь быть не может, – вслух подумал Середин. – Значит, дружина скачет… А не сховаться ли мне в кусты?

Не сказать чтобы ведун испугался – все-таки не первый месяц по Руси бродит. К повадкам жителей привык, постоять за себя острой саблей и быстрым заклинанием умеет. Хуже будет, если юный правитель гостеприимство проявить захочет. Откармливать несколько дней станет, в усадьбу затащит, баню через сутки топить велит. Застрянешь на неделю, если не больше… И кто знает, чем дальше дело обернется. Может, и не доедешь до весны к Уральским предгорьям,

не увидишь Бабы-Яги, о которой столько слухов в Вятских землях бродит. Дескать, и исцеляет, и детьми одаривает, и зло своим взглядом отгоняет.

Однако вновь прорезавшее морозный воздух тревожное ржание внезапно смешалось с человеческими криками, стуком, лязганьем железа и воем – холодящим жилы воем, в котором не имелось ничего человеческого.

– Электрическая сила, – сплюнул Середин, поняв, что спокойное путешествие закончилось. Он потянул правый повод, поворачивая гнедую, и со всей силы ткнул ее пятками в бока, посылая в галоп.

Спустя несколько минут ведун миновал злосчастную речную излучину, за которой его крест начал пульсировать жаром, и натянул поводья…

На звенящем речном льду сбились в кучу шесть саней, на которых стояли с топорами наготове возчики, но пока их отваги не требовалось – не менее полусотни ратников, в основном верховых, защищали груз от кровожадного врага. Куда больше ведуна поразили нападающие: коричневые двухметровые верзилы, облепленные глиной от пяток до макушки, с большущими дубинками в руках. Впрочем, многие вообще обходились увесистыми кулаками. Этих монстров набиралось около ста, а между ними юркали двуногие ящеры. Тоже выше человека ростом, зеленые, с беловатыми брюшками и кургузыми младенческими ручками, они напоминали знаменитых тиранозавров, но выглядели куда более поджарыми, худощавыми, с короткими клыками и внушительными – с футбольный мяч – костяными шариками на кончиках длинных хвостов.

– Ква… – выдохнул Олег, увидев, как ратник проткнул одного из монстров рогатиной насквозь, даже острие из спины вылезло. Однако верзила не дрогнул и в свою очередь занес над головой дубинку. Ратник метнулся вбок, уворачиваясь от удара, но находившийся неподалеку ящер взмахнул хвостом, и костяной шарик врезался воину в грудь, отшвырнув на несколько шагов в сторону. Монстр двинулся дальше и, не обращая внимания на рубящие голову удары меча, опрокинул следующего человека вместе с лошадью.

На мгновение позади них показался старик с узкой и длинной седой бородой, в балахоне из грубой ткани, опустил на верзилу посох. Гигант с торчащим из груди ратовищем неожиданно легко рассыпался на куски – ящер отпрыгнул

сразу на пять метров, вскинул голову и издал тот самый вой, что Середин слышал из-за поворота. Ближайшие монстры, оттеснявшие всадников от обоза к прибрежным камышам, повернулись и двинулись на старика. Опрокинутый воин вскочил на ноги, ткнул одного из верзил мечом, но его, словно надоедливую муху, смахнули в сторону ударом кулака.

– Вечно мне на всякую мерзость везет… – Низ живота свело холодом от предсмертного ужаса. Середин расстегнул у горла налатник, одним движением скинул его с плеч назад, сдернул меховые рукавицы, бросил сверху. Оцепил от седла повод заводного коня, взял в левую руку щит, правой нащупал петлю кистеня. Сдавил пятками бока верной гнедой: – Пошла!

Лошадка прыгнула вперед, начала разгоняться во весь опор.

– Выйду из дома… Не окном-дверьми, закладным бревном, – торопливо зашептал заговор ведун. – В чисто поле пойду, под солнцем ясным стану. Дай мне, Хорс великий, твой жар в кровь мою, дай мне, Даждьбог, силу твою в плоть. Дай, Перун, свои молнии в мои руки, дай мне, Похвист, быстроту в дело ратное. Не для злого умысла, для правого дела…

Середин кинул последний взгляд вдоль обоза: монстры, за спинами которых нетерпеливо подпрыгивали тощие ящеры, прижали ратников к самым телегам, успев опрокинуть и частью затоптать боевых коней. На снегу скрючились и несколько людей. Крови, правда, не было. Порождения магии не рубили, они корежили своих жертв, ломая ребра и выкручивая конечности.

– Ур-ра!!! – До ближнего глиняного монстра осталось всего немного. Ведун качнулся вправо и опустил кистень ему на спину чуть ниже шеи. От удара священного металла весь торс разлетелся в куски. Одновременно гнедая грудью сбила с ног еще одно страшилище, после чего прошла поверх него, оттоптав подкованными копытами голову и левую руку. Старец, получив краткую передышку, что-то прошептал, быстро ткнул посохом еще в двух чудищ, отчего те взорвались, как пластиковые бутылки с перебродившим вином, затем уставил в Олега палец:

– Берегись!

Середин, не дожидаясь пояснений, резко пригнулся, сместившись влево и прижавшись к горячему лошадиному боку. Над седлом зловеще прошелестел зеленый хвост с костяной болванкой. Но порадоваться избавлению от удара Олег не смог, поскольку ощутил, как кожа седла скользит по ноге, а лука – под правой ладонью.

"Мне никогда не научиться держаться верхом! " – безнадежно подумал он и шлепнулся в снег. Гнедая, оставшись без седока, испуганно всхрапнула и помчалась прочь, то и дело подпрыгивая и взбрыкивая задними ногами

Ящер с готовностью прыгнул на жертву, готовый добить ее, растерзать, разорвать в клочья. К счастью, Олег успел прикрыться щитом, и острые когти сильных задних ног зеленой бестии лишь скребнули по дереву. К лицу метнулась клыкастая морда – но ведун отмахнулся кистенем, заставив врага шарахнуться назад. Ящер вскинул голову к небу, грозно завыв – и тут же у него из шеи выросла стрела. Из широкой раны тягуче заструилась черная, пахнущая керосином, жижа. Еще одна стрела впилась твари в бок. Та покачнулась, переступила, освобождая щит. Середин, избавившись от тяжести, моментально вскочил и со всего замаха опустил свой шипастый серебряный кистень на продолговатую голову. Послышался деревянный хруст – чудище повалилось набок и задрыгало ногами в предсмертных судорогах, одновременно колотя об лед костяным набалдашником хвоста.

Краем глаза ведун заметил сбоку глиняного монстра, обратным движением грузика ударил его в ногу, и та раскололась, словно хрупкая керамическая игрушка. Верзила потерял равновесие и рухнул прямо на ящера.

– Пять балов, – перевел дух Олег и осмотрелся.

С этой стороны они нападающих осадили. Старик отступил на ближние сани, по-прежнему удерживая посох двумя руками. Мужик-возничий, наоборот, спрыгнул и принялся азартно кромсать топором еще шевелящуюся глиняную тушу, отрубая ей ноги. Чуть дальше сразу пятеро монстров лезли на двух прижавшихся спиной к возку с сеном ратников. Те пока держались, прикрываясь от тяжелых ударов дубинки и кулаков щитами, и пытались подсечь понизу великанам ноги. Им помогали лошади – одна в ужасе билась в постромках, не давая порождениям магии обойти телегу спереди, а вторая, под седлом, брыкалась за возком, уже снеся одного из големов сдвоенным ударом копыт. В конце обоза три десятка спешившихся воинов сомкнулись в строй, кое-как

удерживая напор чудовищ. Олег увидел, как опустившаяся дубина расколола один из щитов. Ратник рухнул – строй дрогнул, немного попятился, выровнялся снова.

На задних санях, в тылу своих товарищей, приплясывали на санях двое лучников. Стрелять им было не в кого: ящеры прятались за спинами глиняных верзил, а в самих големах уже торчало по нескольку стрел, и особого неудобства монстры от этого не испытывали.

– Электрическая сила! – выкрикнул свой боевой клич Середин и кинулся помогать двум ближним ратникам.

Его заметили ящеры, дружно взвыли, устремились навстречу. Все четверо. Ведун повернул вправо, к берегу, подальше от места схватки. Три хвостатые бестии ринулись за ним – и вышли из-под прикрытия глиняных монстров. Лучники своего шанса не упустили – всего за несколько секунд всадили в каждого зеленого врага по три-четыре стрелы. Ящеры заскулили, закрутились. Середин обежал их стороной, опять кинулся на помощь ратнику, бившемуся рядом с возком сена – второй лежал на снегу с неестественно вывернутой ногой. К счастью, туда же торопился и старец. Два удара посохом – двое монстров разлетелись в куски. Третьего разломал ударом кистеня Олег, а последнему тяжелый меч ратника все-таки отрубил ногу. Голем упал – ратник и мужик с первых саней принялись лишать его конечностей.

Ящеры, что так опрометчиво погнались за ведуном к берегу, лежали недвижимо, утыканные стрелами, как подушечки для булавок, а вот строй в конце обоза все-таки распался, и было видно, как монстры злобно ломают сани и топчут кого-то из упавших. Уцелевшие ратники утопали в рыхлом снегу, наметенном ветром под высокий берег, и из последних сил отмахивались от могучих врагов. Воины успели усвоить, что поражать глиняные махины в грудь или живот бесполезно, и пытались отсекать им руки. Получалось с переменным успехом. Если плечо или локоть перерубались одним ударом – монстр останавливался и тупо таращился на рану, не зная, что делать дальше. Если же клинок увязал в глине – воин оставался безоружным и на него обрушивался смертоносный кулак великана.

– За мной! – крикнул старцу и ратнику Середин и побежал людям на помощь.

Ему навстречу прыгнул ящер, повернулся боком, взмахнул хвостом. От страшного удара костяной булавой в щит левая рука мгновенно онемела, но дерево выдержало, да и сам ведун устоял, хотя его откинуло на несколько шагов. Чудовище отдернуло хвост, взмахнуло им снова. Олег устремился вперед, уходя из-под удара, вскинул щит навстречу несущейся к нему пасти и врезал поверх окантовки кистенем. Послышался влажный «чмок», рывка тросика не последовало. Олег отдернул кистень, метнул его снова, отводя щит в сторону. Голова ящера оставалась рядом. Зеленокожий был жив, но точный удар в черепушку, видимо, его оглушил, и двуногая тварь, покачиваясь, не делала попыток увернуться. Ведун ударил его еще раз, еще – и порождение магии рухнуло набок.

В тот же миг глиняные монстры отступили от загнанных в сугробы воинов, повернулись вдоль обоза и неторопливо зашагали в сторону старика. Их насчитывалось еще десятка два, не меньше. Старец остановился, вскинув посох, а воспрянувшие духом ратники ринулись в атаку. Монстры, потеряв несколько товарищей, принялись махать огромными кулаками, сбивая неосторожных бойцов. Но тут на спины големов обрушился посох, превратив в прах сразу четверых. Середин тоже кинулся в схватку – серебряный кистень разбил ногу стоявшему боком великану, расколошматил тело другому, снес ногу третьему и… глиняных монстров больше не осталось.

Тяжело дыша, ведун попятился, бросая взгляды то вправо, то влево. Сердце все еще стучало гулко и часто, разгоняя по жилам кровь, руки дрожали от предвкушения смертельного боя, голова была светлой, словно только что помытое окно, сознание работало ясно и четко, как отлаженные часы. Тело оставалось готово к схватке – но сражаться было не с кем. Изуродованные тела некоторых големов еще ворочались в снегу, истыканные стрелами тела ящеров подергивали лапами, перепуганные насмерть лошади продолжали биться в постромках – однако битва уже завершилась.

Олег вернул кистень в карман, оставив болтаться снаружи только петлю тросика, перекинул щит за спину, глубоко вдохнул сладкий морозный воздух, любуясь ослепительно-голубым небом, ажурными росчерками черных березовых ветвей на его фоне, бриллиантовыми блестками инея… Воистину – чтобы почувствовать вкус жизни, нужно заглянуть в глаза смерти. От прикосновения черного плаща Мары и краски становятся ярче, и вода слаще, и хлеб вкуснее. Сидя дома у телевизора, с банкой пива в одной руке и бутербродом с ветчиной в другой, – этого не понять, не ощутить.

– Откуда путь держишь, добрый человек?

Середин вздрогнул, повернул голову к старцу. Встретив внимательный взгляд голубых глаз, вежливо поклонился.

– Зовут меня Олегом, еду из Новгорода, через Ярославль. Мир хочу посмотреть, себя показать. А там и видно будет.

– Благодарствуем тебе за помощь, Олег из Новгорода, – склонил голову старец. – Вестимо, сам Сварог вел твою руку супротив слуг Чернобоговых.

– Да, я молился ему о помощи, – признал ведун, разглядывая незнакомца.

Тот был худощав, словно постился не менее года. Щеки впалые, подбородок туго обтянут бледной старческой кожей, брови густые, но совершенно бесцветные, нос длинный и острый, с небольшой горбинкой. Выглядел человек изможденным – но вот дышал ровно, словно и не махал только что тяжелым посохом добрых полчаса. Никакой одышки – не то что у тренированного и привыкшего к стычкам Середина. Свободный балахон, где могло бы поместиться как минимум пятеро людей такого же телосложения, не говорил абсолютно ни о чем. Серая дерюга, из которой он был скроен, с одинаковым успехом могла свидетельствовать и о нищете владельца, и о ею высоком духовном сане – когда плоть уже не так важна для духа, а каждый встречный должен знать путника в лицо, вне зависимости от одеяния.

– Ты знатно бился, добрый человек, – покивал старик. – Однако же откуда столь чудное оружие взялось в твоих руках? Слуги Чернобога разлетались от него, ако от перуновых молний.

– Бил сильно, вот и разлетались, – пожал плечами Середин. – Кое у кого посох вообще не хуже гранатомета работал.

– Так заговоренный посох-то, – легко признал старец. – Никак и твое оружие заклятиями усилено?

Что такое «гранатомет», он почему-то не поинтересовался.

– Ничего особенного, – отмахнулся Олег. – Кистень серебряный. А нечистая сила этого металла зело не любит.

– Не любит, – согласился старик, и его губы расплылись в улыбке. – Да токмо я, мил человек, первый раз слышу, чтобы добрый молодец заместо крепкого стального серебряное оружие носил. Поди, с тварями болотными да ночными куда чаще встречаешься, нежели с половцами али хазарами проклятыми?

– Встречаюсь, – кивнул Середин.

– Олег.. – задумчиво повторил старец. – Слыхивали, слыхивали мы о таковом. Бродит якобы такой по свету. Где серебра отсыплют, там оборотней да ночниц истребляет. Где злата нет, за баню и ночлег то же самое делает. А коли жилья человечьего нет в зачарованном месте – так и без платы рубится. Помнится, ведуном тебя кличут. Потому как от звания колдовского и волховского отказываешься. Вот, значит, кого Белобог всевидящий нам в помощники и защитники послал…

– Никто меня не посылал, – оглянулся Олег на своих топчущихся у излучины лошадей. – Повезло вам просто. Слух до меня дошел, что у предгорий уральских Баба-Яга есть. Любопытно стало посмотреть – вот я в эту сторону и поехал. Извини, отец, пойду я. Сбегаю, лошадям ноги спутаю, добро свое со снега соберу. Потом вернусь, помогу с ранеными.

Когда Середин начал накладывать шины на переломанные руки и ноги ратников, нашептывая лечебные заговоры, туго перематывать ремнями тела с переломанными ребрами, укладывать увечных людей к огню, на принесенный из леса лапник, он понял, что его поездка к Бабе-Яге накрылась медным тазом. Без него огромному количеству раненых не обойтись – кто-то должен сопроводить их до ближайшего крупного селения.

Из полусотни воинов больше двух десятков оказались убиты – затоптаны, переломаны, как куклы в руках несмышленого ребенка, забиты ударами тяжелых костяных шаров. Из тридцати оставшихся в живых без переломов из схватки вышли только семеро – считая самого Олега. Пятеро теперь рубили в лесу лапник, таскали дрова, раскладывая на прибрежной поляне сразу четыре костра. Старец, не расставаясь с посохом, так же как и ведун, прикладывал к переломам палки, фиксируя повреждения с помощью ремней или длинных

полотняных лент, с неожиданной легкостью относил одетых в тяжелую броню ратников к огню.

Медицинские хлопоты заняли весь день – к тому времени, когда Олег, зажав меж двух толстых сосновых веток сломанное плечо лежащего без сознания бородача, выволок бедолагу из-под конских туш и оттащил его к пылающим кострам, на лес спустились сумерки.

– Все, что ли? – устало опустился Середин рядом со стариком, задумчиво взиравшим на пляску огненных языков.

– Настало время уступить свое место Маре, ведун, – степенно кивнул тот. – Теперь уже она выберет тех, кому предстоит уйти в мир далеких предков.

– Луба бы надо надрать. – Олег пошевелился, поудобнее устраиваясь на лапнике, и протянул руки к огню. – На палках кости нормально не срастутся.

В мире, куда неудачно произнесенное заклинание зашвырнуло бывшего кузнеца из автобусного парка, лубки заменяли медицинский гипс. Содранная с вяза или липы кора, разрезанная в виде лодочки, накладывалась на сломанную конечность и туго заматывалась, плотно прилегая к руке или ноге, надежно фиксируя перелом. Палка такой надежности обеспечить не могла – как ни привязывай, а все одно кости смещаются. Вместо сращения ложный сустав образоваться может.

Старик поднял посох, поставил его между ног, прижался лбом к отполированному дереву:

– Прости, Триглава, недостойного слугу твоего. Слаб я, силы моей на деяния достойные не хватает. Пришли хранительниц твоих, берегинь лесных и речных, снизойди до нас своею милостью.

Подошел возчик с первых саней. Распарившись от тяжелой работы и жара костров, тулуп и рукавицы он скинул, оставшись в холщовой рубахе и пухлых шароварах. За толстой веревкой, заменявшей ремень, торчал топор, сквозь черную кудрявую бородку просвечивали румяные щеки. Настороженно покосившись на Олега, он поклонился старцу, поставил перед ним в снег медный котелок, в котором из темного густого варева выглядывали золотистые бока

двух крупных луковиц.

– Благодарствую, Православ, – кивнул старик. – О госте нашем не беспокойся, он со мной похлебает. Раненым отвар погуще навари, им сие зело полезно.

Мужик опять поклонился, отступил, а старик, легко взяв раскаленный котел за край, переставил его ближе к Олегу, чтобы еда оказалась на равном расстоянии от обоих.

– Угощайся, ведун. День у нас долгий выдался, силы потребны изрядные. Сей отвар для меня с весенних двугодков тройным варом творят, через день на третий. Не побрезгуй трапезой старого волхва.

Середин дважды себя упрашивать не заставил, вытянул из чехла на поясе главную драгоценность каждого русича – большую серебряную ложку, – запустил ее в котелок.

Тройную уху на своем веку Олегу доводилось пробовать не раз – но то, чем угощали его ныне, больше походило не на суп, а на густой, еще не застывший, холодец. Можно было подумать, воды к рыбе при варке не добавляли вообще, а просто прогревали крупные куски белорыбицы до тех пор, пока они не расслоились, превратившись в месиво из мясных прядок и костного желатина. Разумеется, по здешнему обычаю, кашевары не пожалели и перца с солью, и лук добавили для аромата, и мелко порубленную репу с морковкой. Получилось, надо сказать, вкусно и сытно. Уже после трех ложек ведун почувствовал, как по телу растекается сладкая горячая истома, после пяти – желудок приятно потяжелел, глаза начали слипаться.

– Ешь, ешь, не останавливайся, – подбодрил его старец. – Опустошить надобно, дабы воды для увечных накипятить. Кабы не замерзли на морозе-то.

Середин выловил луковицу, прожевал, зачерпнул себе еще две полные ложки, после чего в бессилии отвалился на лапник:

– Все, спасибо. Больше не могу.

– А и ладно. – Старец взял котел в руки, допил остатки супа через край. – Коли так, то подымайся. В дорогу нам пора, и без того засиделись. Распутывай своих скакунов.

– Куда? Зачем? – сонно отозвался Середин, закрывая глаза. – Ночь на дворе. Нам ныне только седло под голову да налатник на ноги, ничего больше и не нужно.

– Вставай, ведун! – потребовал старик. – Куда скакать, и сам ведаешь. Где Баба-Яга стоит, туда и торопимся.

– Какая Баба-Яга, волхв? – удивился Олег. – У нас два десятка раненых на руках. Да еще и убитых столько же. Тризну нужно поутру справлять, а потом назад, к жилью поворачивать. Увечных бросить нельзя, пропадут они без нас.

– Они с нами пропадут, ведун! – повысил голос старец. – Не за ними твари земляные охоту затеяли, меня травит нечисть Чернобогова! Коли останемся с увечными – сызнова придут, всех истребят, до единого. Без меня же никто ратных людей не тронет, добредут до Нювчима кое-как. Не сгинут. Смерть их у меня в торбе увязана. Коли увезем торбу, все уцелеют!

– Да электрическая сила! – открыл глаза Середин. – А каково им будет без лекарей столько верст чесать? Давай лучше, ты пару ратников возьмешь – на случай, коли отбиваться потребуется. А я с ранеными поеду.

– В грамоте моей, что в Дюн-Хор везу, беда земли русской заключена! – решительно ударил посохом в снег старец, и снизу, откуда-то из глубины, отозвалось гулкое тревожное эхо. – Любым путем отвезть ее надобно! Потому и прислал Сварог тебя, ведун, ко мне в помощь. Не сподручны воины простые с сими тварями без страха биться. Твоя рука, твой меч мне потребны. Вставай немедля, в седло поднимайся, пока чудища из чащоб лесных сызнова не собрались! Среча, Богиня ночи, глаза нам застить не станет, я ей жертвы на три месяца загодя принес, знаки милости получил. Вставай!

– Вот тебе и ква, – недовольно сплюнул Олег, однако встал. – Может, ты хоть скажешь, что случилось?

– Не вовремя ныне лясы точить, – недовольно отрезал старец. – Опосля обо всем поведаю. Чудищ от становища увести надобно, путь оговоренный пройти.

Ступай к коням своим, а я подъеду.

– Как тебя хоть зовут-то, начальник, – со вздохом подчинился Середин категорическому приказу.

– Сварославом с младенчества рекут, – кивнул старец ведуну и резко отвернулся к воинам, что обгладывали насаженные на ножи крупные куски мяса со слегка подгоревшими краями. – Православ, Макоша, сумы мои на коня навьючьте, да лошадку самую резвую заседлайте не мешкая. Покидаю я вас. И дело свое делаю, и беду увожу. Да пребудет с вами милость Хорса и покровителя вашего, могучего Перуна.

Спустя четверть часа два всадника, ведущие в поводу заводных коней, помчались вниз по реке, разбрасывая в стороны искрящийся в лунном свете снег. Похоже, старому волхву и вправду удалось договориться с ночными богами: небо оставалось ясным, лед – без промоин и полыней, а лошади ни разу не оскользнулись, словно неслись во весь опор не по гладкому, слегка запорошенному снегом, льду, а по сухому, присыпанному песком, асфальтовому шоссе.

Поначалу Сварослав, а за ним и ведун, ехали тряской рысью, разогревая лошадей, потом перешли в стремительный галоп – так что кусты и деревья на берегах мелькали, словно за окном скоростного поезда. Когда же кони, роняя из-под ремней упряжи белую пену, начали задыхаться, старец опять перевел их на относительно спокойную походную рысь. Где-то за час лошади оправились – и волхв снова заставил их мчаться со всех ног. Спустя примерно час он пустил скакунов шагом, а когда те остыли, и вовсе остановился.

– Пора переседлаться, – спешился старик. – Есть хочешь?

– Нет, – тяжело дыша, покачал головой ведун, расстегивая подпруги.

– Возьми мяса вяленого, – достал Сварослав из переметной сумы длинную коричневую полоску. – Как поскачем, жуй его не торопясь. Тогда до вечера голода не почуешь.

– До вечера?! – Олег вскинул голову к небу. – Рассвета еще не видно!

– Смотри, чтобы снега лошадь не нахваталась, – указал старик, стаскивая сумы со своего заводного скакуна. – Запаришь.

Середин перехватил морду гнедой кобылки, не давая ей дотянуться до замерзшей влаги, погладил, успокаивая, потом закинул ей на спину свои небогатые пожитки:

– Вот, пока отдохни. – Потом забросил седло на чалого мерина, затянул подпруги, поднялся ему на спину. – Ну, что?

– Пока не чую, – по-собачьи шмыгнул носом волхв. – Видать, отстали.

– Эти големы земляные? – усмехнулся Олег. – Да они ходят со скоростью сонной мухи!

– То-то и оно, – согласился старик. – Ходят медленно, однако же конных нагоняют многократно.

– Так кто это такие? Откуда взялись?

– Потом… – лаконично отозвался волхв и пустил коней рысью.

До рассвета они преодолели, по оценке Олега, километров пятьдесят, выбравшись с узкой лесной протоки на куда более просторную, полноводную реку, в которой Середин заподозрил Печору – хотя полностью уверен не был. Здесь Сварослав перешел на шаг и ехал не торопясь почти час, после чего сделал остановку. Но не потому, что хотел отдохнуть – в передышке нуждались скакуны. Дав четвероногому транспорту остыть, старик позволил лошадям сжевать немного снега, потом путники повесили им торбы с ячменем, а сами тем временем снова их переседлали.

Достав из-за пазухи небольшой бурдюк, волхв выдернул деревянную пробку, отпил немного сам, дал своему спутнику:

– Вот, глотни.

Внутри оказался теплый, отдающий медом и пряностями, сладкий напиток, похожий на сбитень, но более жидкий.

– Спасибо, – вернул бурдюк Олег, сделав несколько глубоких глотков.

– Торбы снимай. Поскакали.

Вот и весь привал…

Солнце, которое местные жители, исходя из каких-то своих соображений, называли то Хорсом, то Ярилом, то Световиджем, а то и вовсе Даждьбогом, поползло вверх по небосводу, а всадники, следуя глубокой санной колее, поскакали дальше вниз по течению, распугивая невесть откуда взявшихся ворон. Не иначе, поживу чуяли гнусные падальщики.

– Плохая примета, – пробормотал Олег, не ожидая, что его услышат.

– Скоро надо всею Русью воронье закружит, – неожиданно оглянулся волхв, и слова его прозвучали четко и ясно, словно переданные стереонаушниками. – Коли с вестью тревожной не успеем…

– Какой вестью? – встрепенулся Середин.

– Потом..

Старик потянул правый повод, отворачивая с Печоры в узкую протоку, спрятавшуюся между темными, почти черными, развесистыми гигантами. Ели поднимались ввысь метров на пятьдесят, в обхвате имели не менее полутора метров, и Олег подумал, что топор дровосека в здешних землях не бывал лет сто, не меньше. Хотя – какие сто? Никогда не бывал! И еще лет тысячу не появится. Так что не суждено этим деревцам покрасоваться игрушками, орехами, конфетами и елочными гирляндами, никто не станет водить вокруг них хоровод и петь веселые песенки…

– В лесу родилась елочка, в лесу она росла, – негромко пропел Олег. – Зимой и летом стройная, зеленая была…

– Ты чего это, ведун? – с подозрением оглянуло Сварослав.

– Не обращай внимания, – усмехнулся Середин. – Просто вот думаю, холода крепкие стоят. Новогодние.

– Дык… Откуда ж на новый год холода? – не понял волхв, для которого смена лет происходила в сентябре. – О чем ты?

– Стой! – Середин подтянул поводья, заставляя гнедую перейти с рыси на шаг, сдернул рукавицу, покрутил кистью руки.

– Затекла? Обморозил?

– Около того, – тихо ответил Олег, чувствуя, как наливается жаром примотанный на привычное место серебряный крест. – Не нравится мне здесь что-то…

Он пошарил за седлом и привычно принял щит в левую руку. Правой проверил, удобно ли свисает из кармана петля верного кистеня. Кистень – не пистолет. Осечек у него не бывает, смазка не застывает. Даже не тупится, как сабля. Лишь бы выдергивался легко, а там – никакой оборотень не страшен.

– Не опасайся, ведун, – покачал головой старик. – Который раз сим путем иду. Ели здесь нехорошие, но спокойные. Лиха не таят.

– Я знаю, – кивнул Олег. – Да только ты, Сварослав, лучше позади держись. Осторожного и судьба пуще хранит, и боги от испытаний избавляют…

Спокойным шагом Середин обогнул по широкой дуге поросший густым кустарником мысок и притормозил. Покосился на старика:

– А другого пути к Бабе-Яге нет?

– Сей зимник самым удобным издавна… – начал волхв и осекся, увидев выстроившихся поперек реки коричневых големов и трех ящеров, нетерпеливо бьющих хвостами позади строя. Монстров было не больше десятка, но этого с избытком хватало, чтобы перекрыть протоку от берега до берега.

– Ты был прав, Сварослав, – задумчиво качнул головой Олег, оглядывая нежданных гостей. – Как же они нас обогнать ухитрились?

– Что делать станем, ведун? – натянул поводья старик.

– Удирать!!! – заорал Середин, видя, как глиняные чудища нетерпеливо двинулись на людей, и со всей силы рванул левый повод. – Выноси, родимая!

Гнедая дважды упрашивать себя не заставила и во весь опор понеслась по старым следам, разбрасывая ногами легкую снежную пыль.

– Стратима бессмертная, твоих крыльев молю! – мчался в нескольких шагах позади волхв.

Големы отстали сразу, а вот трое ящеров гнались за путниками широкими, трехметровыми скачками, едва не дотягиваясь мордами до лошадиных хвостов, низко пригибая головы при каждом прыжке и балансируя далеко вытянутыми хвостами. Поворот протоки, еще один – и все вместе они вылетели на заснеженный простор Печоры.

Олег оглянулся еще раз. Волхв держался рядом, ящеры отстали от силы на пять шагов.

– Зеленые, кажись, живые, – негромко отметил ведун. – Против таких хороший клинок надежнее будет…

Он прекратил давить пятками бока кобылы – отчего та сразу скинула скорость, – вытянул саблю. Клинок он ковал сам, а потому мог быть уверен в нем, как в собственной руке.

Волхв и заводные кони промчались мимо. Первый ящер, сделав мощный рывок, дотянулся почти до крупа лошади – и тут Середин дернул поводья, одновременно взмахнув саблей справа от себя. Ящер отреагировать не успел, и его низко опущенная голова сама вошла под лезвие. Остро отточенная сталь распорола ему кожу, перерубила выступающую вперед челюсть и глубоко врезалась в череп. Двуногое порождение магии еще продолжало торопливо переставлять лапы – но уже падало и собственным весом легко освободило

клинок из сочащейся чем-то темным раны.

– Давай! – Ведун потянул левый повод, одновременно втыкая пятки кобыле в бока, но гнедая не сообразила, чего от нее хотят, и вместо того, чтобы шарахнуться в сторону, вскинула голову и возмущенно заржала.

– Ква… – только и успел произнести Олег, прежде чем второй ящер всей своей массой врезался в четырехногую дуру. От удара Середин кувыркнулся через круп и ухнулся в снег, представляя, как сейчас его станут рвать в куски сразу две зубастые морды.

Однако матушка-зима решила сделать непутевому колдуну драгоценный подарок: обе тяжеленные твари, со скрежетом прочерчивая когтями во льду глубокие борозды, пронеслись мимо. Каких-то пара секунд – но ведун успел вскочить, подхватить оброненный щит и замереть, для устойчивости широко расставив ноги.

Ящеры наконец развернулись, вытянули морщинистые шеи и, угрожающе шипя, кинулись в атаку. Олег встретил щитом распахнутую пасть, чуть отступил, краем глаза следя, как второй враг разворачивается боком, и в последний момент резко пригнулся, пропуская костяной шар над головой. Послышался звучный шлепок, возмущенное шипение… Когда ведун выпрямился, зеленые твари сердито пыхтели друг на друга, притоптывая, как торопящиеся в туалет малолетки.

– Я здесь, бестолочи! – не удержался от довольного смеха Олег.

На этот раз на него кинулся только один ящер, снова попытавшись вцепиться куда-нибудь широко разинутой пастью. Правда, щит опять оказался немного больше в диаметре. Середин встретил тычок прочным деревянным диском, после чего со всей силы ткнул сбоку изогнутым сабельным клинком. Ящер обиженно вякнул, чуть отскочил, попытался цапнуть ведуна справа за ногу, но получил новый укол, зашипел, как тысяча рассерженных гадюк, выпрямился во весь рост и попробовал сверху ухватить Олега за голову. Середин вскинул саблю над головой, и его зеленый враг сам напоролся шеей на лезвие. Ведуну оставалось только успеть выскользнуть из-под удара и хорошенько рвануть лезвие к себе, разрезая клинком вены и трахею. Неумелый противник повалился в снег, судорожно подгребая его под себя и мелко постукивая хвостом.

– Экзамен по начальной военной подготовке не сдал, – с облегчением выдохнул Середин, возвращая саблю в ножны, присел, тоже набрал снега и отер им себе лицо. Сейчас ему было жарко как никогда.

Внезапно он вспомнил о третьем ящере – вскочил, схватившись за саблю и оглядываясь по сторонам… Но третье порождение магии тоже лежало на льду, а рядом с ним возвышался на скакуне, нетерпеливо переставляющем ноги, седобородый волхв.

– Чем ты его, Сварослав?

Старик пожал плечами, показал свой посох. По мнению Олега, воевать этой палкой было совершенно невозможно – разве против скоморохов с их ножами и волынками… Впрочем, от волхвов всегда можно ожидать самых невероятных сюрпризов.

– Это же надо – тиранозавра палочкой завалить… – Середин опять закрутил головой, пытаясь понять, откуда исходит до боли знакомый запах, присел возле окончательно замершего ящера, макнул кончики пальцев в лужицу, поднес к носу… – Ешкин кот! Отработка!

Он в растерянности взглянул на старца, опять понюхал пальцы. Сомнений быть не могло – в жилах ящера текло отработанное моторное масло!

– Хотя почему отработанное? – поправил сам себя ведун. – Может, такое оно быть и должно. Или это вообще не масло, а что-то похожее… Типа нефти… Или керосина…

Он снова извлек саблю, сделал широкие надрезы крест-накрест, рванул уголки кожи. Нет, под наружными покровами никаких механизмов не скрывалось. Обычные жилки, суставы, позвонки, связки мышц. Но откуда тогда в теле взялась «отработка»?

– Ведун! – Сварослав указал посохом в сторону протоки. Оттуда рыхлой толпой выбредали глиняные верзилы.

Олег мысленно сплюнул, торопливо вытер пальцы о холодную шкуру ящера, побежал к уже поднявшейся на ноги гнедой. Подцепил валявшуюся на снегу чересседельную сумку, кинул кобыле через холку, наскоро подобрал пару куриных половинок, ломоть вяленого мяса, сунул в поклажу – собирать весь рассыпанный припас, разорванные мешочки с овсом и пшеницей времени не было.

– Ну что, довольна? – Он поднялся в седло и подобрал поводья. – Надеюсь, задница у тебя болит? Будешь в следующий раз знать, как не слушаться ..

Середин поскакал к Свароставу, на ходу ухватив узду своего заводного коня. Вдвоем они отъехали к противоположному берегу, остановились, наблюдая за целеустремленно топающими големами.

– Как биться станем? – Старик перехватил посох немного пониже.

– А никак. – Ведун повесил щит на луку седла. – Я человек мирный. Особенно, когда врагов слишком много. Как же они нас нагнали, Свароставь? Ты посмотри, как ноги переставляют. Ребенок убежит!

– Не убежит, – хмуро ответил волхв. – Сколько малых они уже передавили, не счесть.

Олег покосился на своего странного спутника, но говорить ничего не стал, а просто пнул кобылу пятками. Та послушно тронулась рысью. По широкой дуге всадники обогнули уродливых глиняных бойцов и скрылись в протоке за их спинами.

За время погони големы отстали от ящеров минут на десять, а потому, доехав до места первой встречи с колдовскими тварями, Олег придержал коня без особого опасения. Снег здесь был истоптан изрядно, словно глиняные верзилы не поджидали путников в ровном строю, а сперва долго водили хоровод и устраивали догонялки. Однако ведуна интересовали следы не на самой реке, а рядом с ней – в густом ельнике, укрытом рыхлым и толстым белым одеялом.

Вот между елями тянется стежка трехпалых следов. Это, разумеется, ящер. Вот еще одна стежка, а рядом с ней – глубокая траншея, которую могли оставить только несколько идущих гуськом големов.

– Напрямую через лес ломились? – удивленно пробормотал ведун, – Странно…

Разумеется, реки почти никогда не текут по прямой, петляя зачастую самым причудливым образом, и если двигаться строго по прямой, то несложно обогнать даже впятеро более быстрого соперника. Но… Но лес не карта – и петлять по ровному льду в сотни раз проще, чем прорываться через кустарники и буреломы, проваливаться в овраги и ломиться сквозь густые ельники.

Для очистки совести Олег подъехал к противоположному берегу и… И первое, что увидел – сразу две «траншеи» и узкую стежку в стороне. Получалось… Получалось, странные твари не преследовали путников, а подошли к точке встречи с разных сторон? То есть знали о необходимости засады заранее?

– Земляные люди уже недалеко, ведун, – предупредил Сварослав. – Да и день уходит.

– Похоже, глаз на тебя положил весьма сильный колдун, волхв, – покачал головой Середин. – И слуги у него… зело странные. И будущее видеть хорошо у него получается. Ты ничего не хочешь мне рассказать, волхв?

– Хочу, – кивнул Сварослав. – Вечером. И он послал коня в галоп.

Скорее всего, старец скакал бы без остановок и вторую ночь – но после почти двухсуточной гонки лошади уже не желали идти даже рысью и с трудом меняли широкий шаг на некий тряский, но такой же медленный аллюр. Однако даже такой темп был для них слишком тяжел, и спустя несколько минут они снова переходили на шаг. Впрочем, Олег и сам еле держался в седле, покачиваясь вперед-назад и с трудом не проваливаясь в сон. С его навыками верховой езды это наверняка закончилось бы тем, что ведун просто свалился бы в снег.

Наконец протока, поднырнув под вековой дуб, накренившийся на берегу, вывела путников на широкое, метров в сто, озерцо. Сварослав пересек его, успокаивающе поглаживая коня по гриве, спешился перед густым кустарником, провел ладонью по ветвям, устало вздохнул:

– Спят… Все спят, кроме порождений Чернобога и его слуг. Ну да ладно, места отчие, не продадут. – Старик взял коня под уздцы, двинулся вдоль кромки воды

и, пройдя шагов двадцать, повернул на берег, к покрытым инеем березкам, и вскоре остановился в протяженной, неприметной издали, ложбине. – Остается токмо в милость тихой Сречи верить. А она, известное дело, к Чернобогу куда как добрее, нежели к одинокому волхву, покинувшему свое святилище.

– Угу, – кивнул Олег, спустился на землю, привычным движением расстегнул гнедой подпругу, снял седло, скинул оголовье. Потом освободил от сумок чалого мерина. Старательно растер глаза, стараясь отогнать подкрадывающийся сон. Сладко зевнул, расправил плечи. Кинул поверх сумок налатник.

Морозец с готовностью забрался под потертую кожаную косуху, прополз по спине, остудил грудь. На миг Середин почувствовал себя бодрее, но уже через минуту тот же холод стал навевать желание свернуться для тепла калачиком и закрыть глаза.

– Вот зар-р-раза! – Ведун сдался и полез в сумку за туго свернутой медвежьей шкурой.

– За холм сходи, – указач ему на противоположный от озера взгорок Сварослав. – Там о прошлой зиме снег много сосенок поломал. Подсохнуть за лето должны были. Притяни пару хлыстов для огня.

Волхв движением ноги раскидал снег в центре лощины, и там обнаружилось старое кострище. Олег тряхнул головой, отгоняя дремоту, засунул шкуру обратно, взялся за топор и отправился по жалобно хрустящему под валенками снегу в лес.

За холмиком начинался сосновый бор, больше напоминающий поле для игры в крикет – тут и там стояли «воротики» из сломавшихся на уровне человеческого роста деревьев. Такое с соснами случается сплошь и рядом – взметнувшийся кронами к небу молодняк не выдерживает веса налипшего на ветви снега. Особенно, если пара оттепелей за зиму случится: сперва лед застынет, потом снежок присыплет, потом подтает, подмерзнет… И как только хороший ветерок начинает раскачивать деревца, только и слышно: трах! Трах! Трах! Стволы ломаются, как спички, и с оглушительным треском падают вниз, заодно опрокидывая соседей, точно так же держащихся из последних сил.

Середин выбрал ствол диаметром сантиметров в двадцать, обрубил топориком удерживающую его полоску коры, закинул сосну на плечо и поволок к месту стоянки. Здесь уже вовсю пылал огонь – похоже, у волхва имелся где-то рядом, в потаенном месте, скромный припас сухих поленьев. На длинной веревке, растянутой между березами, раскачивался закопченный котелок.

Олег, молча кинув хлыст вблизи костра, отошел к лошадям, повесил им торбы, привязал за шею к дереву, чтобы не убрели за ночь далеко. Потом принялся рубить сосновый ствол на небольшие поленья. Сварослав тем временем кинул в котелок пяток заиндевевших кубиков. Спустя несколько минут над поляной пополз соблазнительный запах наваристой ухи.

– Заканчивай, ведун, – окликнул старик своего спутника. – Снедать пора.

– Сейчас…

Олег вогнал топор в торец ствола, кинул сверху косуху, присел около костра и выкатил в снег несколько угольков. Те обиженно зашипели, изошли легким белым дымком. Выждав еще чуток, ведун собрал угольки, растер их между ладонями, высыпав мелкую черную труху на толстую кожу куртки. Добавил из мешочка с приправой соли с перцем, тщательно перемешал, затем собрал получившуюся смесь в ладони и обогнул ложбину по широкому кругу, насыпая черную линию и наговаривая ее обычным заклинанием от нечистой силы:

– Небу синему поклонюсь, реке улыбнусь, землю поцелую, Сече порадуюсь. Доверяюсь вам по всякий день и по всякий час, по утру рано, по вечеру поздно. Поставьте вкруг меня тын железный, забор булатный, от востока и до запада, от севера и до моря, оттоле и до небес. Оградите меня, внука вашего Олега, от колдуна и от колдуницы, от ведуна и от ведуницы, от чернеца и от черницы, от вдовы и от вдовицы, от черного, от белого, от русого, от двоезубого и от троезубого, от одноглазого и от красноглазого, от косого, от слепого, от всякого ворога по всякий час..

Угля хватило еле-еле, чтобы замкнуть круг, и на последних шагах Олег отсыпал линию уже очень осторожно, дополнительно растирая крупные крупинки между пальцами. Зато защищенного пространства с избытком хватало и для коней, и для вещей, и самим людям для отдыха.

– Эту черту нечисти не в силах переступить, пока ее не разорвет кто-то из обычных людей, – пояснил он, возвращаясь к костру.

– Дело доброе, – кивнул волхв. Он дотянулся до посоха, со старческим кряхтением поднялся, нашептал что-то на свою полированную палку, после чего прошелся вдоль черной линии и провел по снегу еще одну черту. – А это – дабы нас никто, окромя людей живых да зверей лесных, увидеть не смог.

– Дотронуться можно? – и, не дожидаясь ответа, Олег прикоснулся к посоху кончиками пальцев левой руки. Запястье мгновенно обожгло непереносимым жаром, и ведун отдернул ладонь, потер заболевшее место: – Вот, значит, как, волхв. Я думал, сила в тебе. А она вся – в посохе.

– Сила в милости Сварога, коему я во младенчестве жертвой принесен был, – нахмурился старик. – А каким благословением он милость свою проявит: глазом вещим, рукой исцеляющей али посохом могучим – то неважно. Ешь давай, ведун.

Середин с готовностью придвинулся к уже снятому с огня котелку, запустил в него ложку.

– Сказываешь, ведун, у тебя покровителя небесного али родового нет? – спустя несколько минут спросил Сварослав. Похоже, слова Олега затронули-таки его душу. – Как ты в таком разе с нежитью биться решаешься?

– Голова и рука верная – вот мои покровители, – ответил Середин и отправил в рот очередную ложку, полную рыбной гущи.

– А родом у тебя кто? – с подозрением поинтересовался волхв.

– Извини, – пожал плечами Олег. – Нема у меня роду-племени. Не повезло.

– Нет, ведун, ты не блази, – покачал пальцем старик. – Не бывает такого, когда у человека предков нет. Коли не знамы они тебе, так и молви. А род есть всегда.

– Ну, как тебе объяснить? – Поднял на него глаза Олег. – В общем, всякое случается в этой жизни. А откуда я взялся – дело темное, объяснить не берусь. Расскажи лучше, откуда твари взялись, что за тобой гонятся?

И Середин, решив не пускаться в рассказы о сотворенном в далеком двадцать первом веке заклинании, о собственных путешествиях во времени и мирах, вновь отправил в рот ложку ароматной ухи.

– Беды сии странны зело и непонятны… – Волхв, так и не поев, отложил свою ложку в сторону, пригладил длинную седую бороду. – Зело странны…

– Так что случилось-то?

– Многое, ведун, – тяжело вздохнул Сварослав. Зело…

– Все зело да зело… – Олег, решив, что нужно и совесть иметь, старательно облизал ложку, протер ее снегом, слегка подсушил над огнем и, бросив прощальный взгляд на еще заполненный почти на треть котелок, поинтересовался: – Что-нибудь более внятное ты сказать можешь?

– Могу… – Сварослав вздохнул снова. – Появилась эта напасть у нас о прошлом лете. Понерва несколько усадеб боярских разорила, опосля города стольные осадить пыталась. Однако же разбрелась. Так по сей час и бродит. По землям княжеств Муромского, Рязанского, Суздальского. Аж под Владимиром объявлялись. Супротив дружин княжеских, сам видишь, долго твари сии устоять не способны… когда числом малым сбираются. Но бродят повсюду. В деревни заходят – скотину жрут, детей давят, коли поймают, пахарей пугают, а то и топчут, коли много. Земляные чудища больше ломают, а вот зеленые которые – они больше живых ловить любят. Поймают, разорвут в клочья, да и сожрут, ничего не оставят.

– Скверно, – признал Середин, представив себе, как пара големов вламываются в деревенский двор и начинают крушить все, на что взгляд упадет. Это в чистом поле хорошо их по дуге широкой обогнуть да прочь умчаться. А коли хозяйство свое защищаешь – куда денешься? Мечом да оглоблей в одиночку отбиться тяжело. А если еще и ящеры верткие насядут – тогда точно хана. Заломают и в твоем же доме на ремни порежут.

– Хуже хазар сии твари, ведун, – словно подслушал его мысли старик. – Те, коли и наскочат, так убежать торопятся, пока князь с дружиной не нагрянул. Да и не убивают особо – угнать норовят. Стало быть, освободить опосля можно. А эти токмо давят и ломают. И не берут себе ничего – бросают селения разоренные и

дальше бредут.

– Прости, Сварослав, что перебил, – откинулся на медвежью шкуру Олег, – да только не вяжется чего-то у тебя в рассказе. Если нечисть буянит на юге Руси, то откуда она здесь, среди печорских снегов, взялась? Не далековато для пеших-то прогулок?

– То не история была, ведун… – Волхв подтянул к себе изрядно опустошенный и остывший котелок, немного поколебался, а потом решительно выпил оставшееся варево через край. – То не история, то присказка была.

А история сия такова… Сложилась промеж Суздаля и Владимира шайка людей лихих. Бессовестных, однако же храбрых станичников, решительных. Промышлять они начали на тракте. Людей добрых да купцов зажиточных губить, добро их к себе в логово тащить. Грешно это, ведун, зело грешно.

– Когда «зело», – отметил Олег, – то не очень и грешно оказывается. Войной это называется, или бизнесом. Грешно, когда по мелочи…

– По первому морозу загубили тати молодого ратника, что к стольному граду Владимиру скакал, – пропустил мимо ушей высказывание Середина старик. – Броню с него сняли, кафтан лисий, сумы с припасом и серебром, коней увели. Вернулись, стало быть, в логово… Да токмо не успели добыче порадоваться. Поползли в их овраг и люди земляные, и твари зубастые. Как ни бились тати, однако же полегли все, окромя двоих. Умчались те станичники на конях приведенных, нерасседланных. Да и сумы, сам собой, приторочены остались. Сказывали, "день-деньской скакали, и ночи изрядно прихватили. Но как отдохнуть собрались – опять полезли чудовища из леса.

– Так им и надо, – спокойно согласился Олег. – Для татей крепкая веревка – лучшая награда. Правильно их големы истребить пытались.

– Три дня, как один, тати от тварей Чернобоговых бегали, – невозмутимо продолжал Сварослав. – На четвертый вечер добежали они до святилища Кулимишевского и хранителю тамошнему с покаянием в ноги упали. Не поверил волхв, молодой был. Однако же еще до полуночи к священной роще твари стали сбираться. Округ тына бродили, стучались, выли громко. Хотя в б само святилище проникнуть не пытались. Хранитель, страху поддавшись, поутру

через тын напротив ворот перебрался, в деревню убежал, коня взял, да и ко мне примчался.

– Это куда? – с любопытством приподнял голову Олег.

– В град стольный Суздаль.

– Понял, – опять откинулся на шкуру ведун. В Суздаль его судьба пока не заносила. Ни в этом мире, ни в родном двадцать первом веке.

– Я у князя две полусотни выпросил, богатырей Володимира и Илью, гридней опытных, да и поскакал…

– Разгромили?

– Всех тварей перебили до единой. Три десятка ратников головы сложили, да увечных столько же оказалось… – Волхв подтянул к себе посох, почтительно поцеловал и положил обратно. – Татей мы в город увезли. Князь Гордей[1 - Гордей – древнее славянское имя, происходящее от слова «гордый». Каким образом один из Гордеев смог завязать в Средиземноморье знаменитый Гордиев узел – вопрос, выходящий за пределы сюжета данной книги] приказал их на дыбу в допросной избе повесить и расспросить все в подробности.

– Они же и так покаялись! – возмутился Середин. – Ладно, просто повесить – на дыбу-то зачем?

– А я суму походную у татей разобрал, – притворился глухим старик. – Все добро мне обычным показалось, однако же вот этот свиток я понять не смог…

Старец запустил левую ладонь в правый рукав своего свободного балахона, вытянул из него туго скрученный пергамент сантиметров двадцати в длину, перевязанный алой шелковой ленточкой, и протянул Олегу.

Воздержавшись от комментариев, Середин сдернул со свитка ленту, развернул чуть желтоватый, толстый и упругий листок… И замер в недоумении. То, что он увидел, более всего напоминало смесь древнеегипетских символов и шумерской клинописи: какие-то ползущие змеи, лебеди, человечки с задранными руками,

перемежающиеся с волнистыми линиями и странными рисунками, собранными из остроконечных треугольников. Клинописи было больше всего, и она то собиралась в солнцеподобные круги, то походила на воздушных змеев, то вдруг разрывалась отчетливым изображением человечка с крыльями.

– Вот только ангелов мне и не хватает, – вернул папирус ведун. – Предпочитаю рубить крикс и оборотней.

– Окрест города, едва татей привезли, чудища стали сбираться, – невозмутимо продолжил волхв. – Поначалу дружина истреблять их выезжала. Однако же варяги и богатыри другое своих теряли, а тварей токмо больше окрест становилось. К седьмому дню ратники за ворота выезжать отказались. А горожане и того ранее. К девятине[2 - Девятый день.] округ Суздаля чудищ столько собралось – не сосчитать. Все дороги и кусты кишели. Решились они на штурм идти. На стены лезли, ворота ломали, каменья кидали в лучников… Да, тяжко пришлось. Но устоял Суздаль. А мне князь Гордей повелел грамоту сию прочитать. Сказывал я ему: знаки подобные токмо любомудры Дюн-Хора далекого разумеют. Князь гонца снарядил. На ладье через Каменку повелел отвезть. Да не ушел далече вестник, вернулся. Вся нечисть поганая за ним кинулась, через реку поплыла, тропы перекрыла. Тут и поняли мы с князем: не град стольный слуги Чернобоговы разорить хотят, грамоту заполучить жаждут. Снарядил Гордей со мной полусотню ратников русских, отвагой известных, с дружиной первым из врат Владимирских вырвался, дорогу пробил. А уж мы с воями дальше помчались. Сюда, в земли печорские, к тайному граду Дюн-Хору. От чудищ оторвались, шли ходко. Да токмо давеча сам видел – полегла полусотня княжеская. На тебя да на меня надежда осталась. Некому более грамоту до святилищ древнейших довезти, до хранителей мудрости. Ты, ведун, в помощь мне прислан. Такова воля богов.

– Да говорил я уже, – лениво отмахнулся Середин. – Никакие боги меня сюда не посылали. Просто я услышал в вятских землях, что Баба-Яга где-то здесь стоит.

Вот и решил хоть одним глазком на нее взглянуть. Любопытно все-таки.

– А ты мыслил, ведун, боги присылают своим избранникам вестника с грамотой и печатями княжескими? – негромко рассмеялся Сварослав. – Нет, они просто приводят смертного туда, где он и должен исполнить свое предназначение. И отказываться от этого – грех. Ибо раз за разом станут боги даровать тебе жизнь и приводить на место твоего подвига, дабы ты принял верное решение и

исполнил его в точности.

– Раз за разом? – закрыл глаза Середин. – Это уже не жизнь, это квест какой-то получается. Сохраняешься на достигнутом уровне, и проходишь его раз за разом.

– Не гневи богов, ведун, – немедленно отозвался старик. – Прими их волю, как свою, и душа твоя обретет счастие и покой.

Несмотря на все уговоры старого волхва, счастье и покой Середин обрел безо всякого участия богов – поскольку высшим счастьем для него в эти часы был спокойный сон. Он же, наверное, означал и покой. Олег ухватил край шкуры, откатился чуть в сторону, заворачиваясь в нее, как сосиска в тесто, сразу ощутил, как по телу разливается блаженное тепло, и провалился в небытие.

Первое, что услышал Середин, открыв поутру глаза, – так это скрип снега чуть не у самой головы. Схватившись за саблю, ведун «раскатался» из шкуры и, оглядываясь, поднялся на колено. А посмотреть было на что. Справа и слева, спереди и сзади – в общем, везде вокруг отмеченной угольной пылью линии бродили глиняные чудища. Они отходили в сторону, разворачивались, топали снова к линии; натыкаясь на невидимую стену, пытались обойти преграду и снова в нее упирались. Никакой целенаправленности в действиях големов Олег определить не мог – больше всего их осада напоминала броуновское движение. Разумеется, ящеры здесь тоже присутствовали. Пятерка зеленых тварей стояла на льду, за лощиной, в которой укрылись путники. Они не двигались, только молча переглядывались между собой. За ними в два ряда выстроились двадцать великанов с дубинками.

– Да, ведун… – Услышав над головой голос старца, Олег подпрыгнул от неожиданности и даже отскочил метра на полтора. – Да, и я так мыслю: зеленые уродцы весьма умнее земляных людей будут. И бьются шустрее, и нападают с толком. Потому земляные воины их власть над собой и принимают.

– Это точно, – кивнул Середин. – Когда «зеленые» рядом, големы действуют слаженнее, ведут себя толково. А как ящеров нет – в толпу безмозглую превращаются. В общем, этих нужно выбивать первыми, как офицеров.

– Чем, ведун? Как я вижу, лука или самострела у тебя нет.

– Я это так, теоретически. – Олег присел у кострища, перевернул тлеющее с вечера толстое бревно, споро настрогал на угли лучинок, подсунул бересты, раздул. Когда над щепками заплясали радостные язычки пламени, кинул сверху еще несколько полешек.

– Ты чего затеял, ведун? – не понял старик.

– Как чего? Завтракать!

– Мяса вяленого по дороге пожуем.

– Не-ет, – замотал головой Олег, – я так не согласный. Ты что, не видишь – твари колдовские кругом?

– Вижу. И что?

– А то, что нас в любой момент убить могут, – весомо сообщил ведун, доставая половину курицы. – Представляешь: убьют раз и навсегда. А ты в последнюю минуту жизни голодный, холодный и с подошвой от ботинка во рту! Никакого удовольствия.

– С подошвой?

– Угу, – кивнул Олег, деловито натирая курицу солью с перцем. – Мясо твое вяленое по вкусу один в один получается.

– Жизнь любишь, ведун… – Волхв опустился на один из сосновых чурбачков, обнял посох. – Вкусно поесть, вволю поспать. Как же ты такой с тварями лесными Чернобоговыми сражаться не боишься?

– Боюсь, Сварослав, – признался Середин. – Ох, и боюсь. Но понимаешь, волхв… Когда на тебя оборотень идет в медвежьем облике, росту в две сажени, да с когтями железными, клыками каменными – вот тогда ты и понимаешь по-настоящему, что за прекрасная штука жизнь. И как это здорово: проспаться всласть на свежем воздухе, перекусить курочкой, в глине запеченной, да запить все водою чистой, талой, сажей не замаранной, дустом не присыпанной. В баньке попариться, пивка попить… А для чего еще жить?

– Странное речешь ты, ведун, – покачал головой старик. – А как же отчине своей послужить, богам родовым долг отдать?

– А разве обязательно делать это на голодный желудок? – рассмеялся Середин и пристроил куриную полутушку к огню. Затем привычно кинул косуху на сумки, щедро сыпанул на нее приправы, растер туда же холодные вчерашние угли, замешал, негромко нашептывая защитное заклинание.

– Солнце уходит, – недовольно буркнул волхв. Немного выждал, глядя на хлопоты Олега, покачал головой и добавил: – Упрям ты, ведун, однако…

Он поднялся, взял котелок, кинул в него из котомки кусочек меда, засыпал все снегом, повесил на веревку.

– Ладно. Хоть горяченького напоследок попьем.

К тому времени, когда курица «дошла», покрывшись румяной корочкой, а местами и чуток почернев, в котелке тоже закипело. Путники, наблюдая за бродящими вокруг големами, разделили и уплели мясо, запили сладкой водичкой. Затем, собрав вещи, заседлали коней.

– Так они нас не видят, Сварослав? – уточнил Олег, подбирая со снега так и не попавший в костер двухметровый кусок бревна.

– Не могут. Слово Сварога им глаза отводит.

– Это хорошо. – Середин глубоко вдохнул морозный воздух, поднялся на гнедую, потрепал ей гриву: – Ну как, малышка, сегодня дурить не собираешься? Сварослав, заводных забери. Куда нам теперь?

– Слева от лощины, саженей сто, протока идет.

– Ну, тогда погнали…

Ведун со всей силы ткнул пятками в бока лошади, тряхнул поводьями:

– Пошла, родная!

На огражденном угольной пылью пятачке лошадь в несколько прыжков разогналась во весь опор, и когда всадник перемахнул заговоренную черту, остановить его могла разве что бетонная стена.

– По-оберегись!!!

Олег перехватил бревнышко, словно рогатину, направив тупым концом в грудь ближнего голема. Копье, пронзив глиняного человека, вреда бы ему, может, и не причинило – но тяжелая тупоконечная лесина глубоко вмяла грудь, отчего туловище противника расползлось трещинами, а голова слетела с плеч. Правда, непривычный к конным сшибкам ведун оружия не удержал – отдача выбила бревнышко у него из рук. Да и хорошо, что выбило – с «копьем», еле умещающимся под мышкой, много не навоюешь. Середин дернул из кармана кистень, с ходу опустив его на голову следующего голема, перекинул налево, ударив в плечо еще одного врага.

Все! Из окружения вырвались!

Олег кинул взгляд через плечо – старик мчался следом через пробитый ведуном сквозь ряды глиняных людей проход.

– Поберегись!! – во всю глотку заорал Середин, направляясь в самый центр темнеющего на льду строя.

Ящеры, как и положено начальникам, торопливо отпрыгнули за ряды неуклюжих, но могучих подчиненных, големы подняли над головами дубины.

– Счас, разбежались… – тихо хмыкнул ведун, подбирая левый повод.

Маленький отряд с дробным топотом промчался перед вражеским строем, уходя вдоль самого берега. Возмущенные подобной коварностью ящеры злобно зашипели, кинулись следом – но путники уже успели оторваться на добрую сотню метров, и свежие, отдохнувшие кони в стремительном разбеге увеличивали этот разрыв с каждой минутой.

– Куда?! – оглянулся на старика Олег.

– За дубом протока!

Вековой дуб со стволом в три обхвата находился уже слева. Ведун рванул левый повод со всех сил, и гнедая просто чудом вписалась в поворот, не врезавшись в густые камыши, что росли у противоположного берега.

– Давай, давай, родная, – прошептал, наклонившись к самым ее ушам, Середин. – Выноси, милая… Хлебом одним неделю кормить стану, только вынеси!

Скорость тем не менее пришлось сбросить. Речушка петляла среди ивовых и березовых зарослей, как подползающая к мышонку гадюка, и всадникам приходилось постоянно направлять лошадей то вправо, то влево, и только шипастые зимние подковы, выбивающие из толстого зеленоватого льда крупные осколки, позволяли скакунам удержаться на ногах. Когти ящеров скользили, продирая во льду длинные царапины, а потому каждый поворот давал людям еще метров пять выигрыша.

«Хорошо, снега нет, – мысленно отметил Олег. – Сдуло, наверное. Значит, впереди уж точно заносы…»

Словно откликнувшись на его размышления, за очередной излучиной обнаружилась стена снега высотой метра в полтора, тянущаяся с крутого берега вниз, к камышам на узком мысе.

– Ква, – только и успел сказать Середин, для которого все предыдущие прыжки заканчивались неизбежным падением.

Гнедая все сделала сама – поймала момент, взметнулась в воздух. Олег отпустил поводья, наклонился вперед, вцепившись обеими руками в луку седла. Гладкая кожа чиркнула по ногам, ушла вниз. Между ног пробежал невнятный холодок – то ли ветер поддул, то ли страх отметился… И тут же в задницу со всей силы ударило седло – удержался! Олег ухватил поводья и легонько тряхнул ими, намекая лошади, что не мешало бы и прибавить ходу.

По берегам теперь возвышались тронутые инеем сосны, под которыми изредка виднелись кусты шиповника с ярко-красными, чуть сморщенными ягодами.

«В чай их полезно класть. Аскорбинки много», – не к месту вспомнилось Олегу.

Порой старые стволы кренились низко к протоке, и ведун не без страха думал о том, что, упади такое деревце поперек дороги – они не меньше получаса потеряют, пока переберутся Но пока великий Сварог, прародитель всех славян, да Метелица-Зима и многочисленные лесные духи благоволили путникам.

Новый занос – гнедая рванула вверх, пошла вниз… и Оле! вдруг понял, что после прыжка лошадь опускается значительно быстрее, нежели он.

– Электрическая сила! – безнадежно выругался он, отпуская бесполезные поводья. – Ну, почему так всегда?

Задняя лука седла предательски пихнула в бедро. Он кувыркнулся на бок, пытаясь сгруппироваться, и в такой позе ухнулся о твердый, как танковая броня, лед, чуть подлетел, ударился снова и, промчавшись по глянцевой поверхности метров двадцать, лихо врезался в прибрежный сугроб, зарывшись в него с головой. Противная холодная масса мгновенно наполнила уши, валенки, набилась за ворот и даже попала под джинсы – и тут же принялась таять.

– Тридцать ква в одном флаконе! – ругаясь и отплевываясь, Олег выбрался на лед, услышал насмешливое ржание гнедой и погрозил ей кулаком.

– Ты цел, ведун? – озабоченно поинтересовался Сварослав, придерживая коней.

– Все в порядке, волхв, – кивнул Олег, горстями выгребая снег из-за шиворота – Это я специально…

Он побежал к заносу, на ходу расстегивая поясную сумку, набрал целую горсть заговоренной угольной крошки, рассыпал вдоль снежной стены, на всякий случай повторяя заклинание.

– Вот так. После прыжка ящеров ждет сюрприз. – И Середин бодрым шагом направился к лошади, левой рукой придерживая болтающуюся на боку саблю. –

Скачи, я догоню!

Вторую похожую ловушку ведун поставил примерно через полкилометра, насыпав заговоренную линию от густого, по грудь ему заваленного снегом, рябинника, через который и пеший не особо продерется, к высокому обрыву. Пусть ящеры обход ищут, коли погоню продолжать хотят. После этого Олег немного успокоился и перешел на рысь, давая отдых тяжело дышащим скакунам:

– Далеко нам еще, Сварослав?

– Верст полтораста, – не очень уверенно пожал плечами волхв. – Пять ден обыкновенно отсюда идем.

– Угу… – кивнул Олег – Понятно.

Верста в здешней Руси была понятием сильно относительным и колебалась в пределах от одного километра до двух с нехилым гаком. Получалось, чго идти им оставалось либо сто пятьдесят, либо все триста километров. Хорошенькая разница! Кони, если гнать их нещадно и переседлываться каждые четыре-пять часов на заводных, за день могут пройти километров сто. Учитывая обстоятельства – можно отказаться от ночной стоянки и к утру выйти к жилью, отдохнуть там. Но вот триста километров за раз одолеть невозможно – лошади просто сдохнут.

– Однако и останавливаться тоскливо, – вслух продолжал Середин. – Опять за ночь всякие твари наберутся. Кто знает, удастся ли прорваться так легко еще раз?

Сварослав промолчал.

Олег попытался вновь прикинуть: пять переходов. До этого дня волхв путешествовал с санями, не торопясь. За день подобный обоз обычно проходит километров сорок. Пять переходов – все едино двести ка-мэ получается. А лошадь – не мотоцикл, ей отдых нужен.

– Ладно, – наконец решился он, расстегивая косуху. – Пойдем, пока сил хватит.

Олег скинул куртку, мокрую изнутри от растаявшего снега, затем – красную шелковую рубаху, купленную в Белоозере минувшим летом, вместо них накинул на-латник. Гладкий бобровый мех приятно захолодил кожу. Пожалуй, теперь он был готов ехать еще хоть сутки напролет. Главное – согласятся ли на это скакуны?..

Дюн-Хор

О том, что они приближаются к цели своего пути, Олег догадался сам. Просто лес внезапно отступил от берегов постепенно сужающейся протоки, сменившись чуть холмистыми полями с редкими островками заснеженных рощ. Только здесь ведун наконец-то перестал опасаться внезапного нападения порождений незнакомой черной магии: незаметно подкрасться на хорошо просматриваемых, идеально белых просторах было совершенно невозможно. И Середин наконец перешел с рыси на широкий походный шаг, который не сильно выматывал и без того замученных скакунов. День, ночь, еще половина дня – даже просто держаться в седле и то стоило людям немалых усилий. А каково тогда лошадям, больше двух суток разбрасывающим ногами легкий промороженный снег?

Сварослав не вмешивался. Похоже, старик убедился, что его молодой товарищ осознает чрезвычайную важность путешествия, верно оценивает опасность противника и теперь предоставил ведуну решать все вопросы. Волхв даже дороги указывать не пытался. Да и зачем? Река сама приведет.

По берегам стали попадаться пирамидки, искусно сложенные из валунов. Слегка присыпанные снегом, они ясно доказывали, что путники приближаются к некоему сакральному месту – подобными каменными памятниками народы выражают свое восхищение теми или иными чудесами чуть не во всех концах света. Чем больше пирамид – тем чаще доводилось удивляться забредающим в эти земли людям.

– Если до темноты не доберемся, – повернул голову к старцу Олег, – остановимся там, где окажемся. Всему должна быть мера.

Вместо ответа Сварослав вытянул вперед посох. Середин вгляделся в указанном направлении и неожиданно различил над тонкой нитью, разделяющей белую

землю и белесое небо, некий остроконечный силуэт.

– Горы?

– Дюн-Хор, – одними губами прошептал волхв.

Река повернула в очередной раз – и на берету, по обе стороны от протоки, обнаружились две высокие, метра по три, каменные бабы. Время стерло с них черты лица, формы рук и ног – но ясно различимые головы над массивными плечами и выпирающий вперед животик доказывали, что перед путниками возвышаются рукотворные памятники.

– Дальние врата… – Старик слез с коня, со стонами разминая затекшие ноги, степенно опустился на колени и поцеловал снег.

Олег примеру волхва решил не следовать – этих богов он не знал и за помощью к ним никогда не обращался. Правда, короткой передышкой ведун все-таки воспользовался, надев подсохшую рубаху, душегрейку и косуху. Подумал – и снова накинул поверх всего этого налатник: мороз вокруг царит лютый, а пар костей не ломит.

Дальше река петляла уже между взгорками, закрывающими обзор, а потому каждая новая верста являла новые открытия. Вот за очередным поворотом предстали глазу многочисленные каменные уступы – невысокие, но идеально ровные, словно специально обточенные и отполированные. Вот появилась череда разлапистых толстенных дубов с широкими гнездами, сплетенными из крупного хвороста. Что за птицы сооружали подобные жилища, понять было невозможно – сейчас на гнездах покоились только снежные шапки. Однако Олег заподозрил, что существа эти почти наверняка хищные и в то же время священные. Хищные потому, что травоядные пичуги, клюющие зернышки, почки и ягодки, – обычно некрупные, этакое гнездовье им ни к чему. А священные – поскольку сами по себе дубы такими развесистыми не растут, какой-то добрый человек должен был подпилить всем дубам макушки, вынуждая разрастаться удобными для гнезд развилками.

Рассматривая могучие стволы, Олег как-то упустил две такие же коричневые и кряжистые фигуры, а потому остановка волхва и его очередной поклон застали его врасплох.

– Средние врата, – коснулся снега лбом Сварослав.

Только после этого Середин различил в присыпанных белым пухом высоких пнях глядящие из горизонтальной прорези шлема суровые глаза, массивную длань, лежащую на рукояти меча, и прислоненный к ногам круглый щит.

– Волхв, – негромко поинтересовался Олег, – а почему эти… врата выглядят более новыми, чем первые?

– Первыми остановились эти, – указал на воинов Сварослав. – Однако же они стражи. Хранители межи. Матери – дарители жизни. Коли соскоблить с них щепоть камня и в снедь добавить али к больному месту прикласть, любой недуг уходит, мор отступает. Оскоблили смертные богинь. Бо века стоят.

– Понятно… – Середин придержал коней, вглядываясь в истуканов.

И плечи вроде неширокие, и угрожающего ничего нет – только спокойствие. Меч в ножнах, щит на земле, ноги расслаблены. Но тем не менее в воинах угадывалась такая уверенность в своих силах, такая монументальная несокрушимость…

– Эх, придут сюда скоро люди с символами смерти, – с тоской прошептал Олег. – Опрокинут баб, расколют памятники, поставят новые молельни… Тыщу лет спустя новые освободители явятся, пожгут молельни, посрубают дубы на сваи для шлюзов и каналов, увезут остатки баб в музеи, рассыплют пирамиды по мелким камушкам… И останется земля пустой и дикой, словно и не жили здесь люди, а только волки дикие бродили. Прогресс называется. Цывылызация… И-э-эх!

Ведун пнул гнедую пятками, рассчитывая пустить вскачь, но та лишь недовольно хрюкнула и качнула головой. Полуторасуточный переход отнял у нее все силы. Середин понял, что еще два-три часа пути, пусть даже шагом – и кобыла просто упадет.

– Волхв, долго нам еще? – крикнул Олег и запнулся. Позади остались последние, спящие под зимним покрывалом, дубы, и путникам открылась высокая, метров семидесяти, скала, на которой отпечатался, вскинув руки, повернув голову и

широко расставив ноги, человек тридцатиметрового роста. Четкий черный отпечаток на светло-коричневом камне. Натуральный негатив. – Это третьи врата?

– Это Куйва[3 - Автор считает обязательным признать, что при написании романа им широко использовались факты из книги В. Н. Демина «Загадки русского севера».], ведун, – степенно кивнул старик. – Тот самый…

– Какой? – не понял Олег.

– Тот самый, – повторил волхв. – Воевода великанов.

– Великанов?

Сварослав с подозрением покосился на спутника: а не смеется ли над ним молодой колдун? Потом снова указал на скалу, но уже посохом:

– Это Куйва, воевода великанов. Когда извечные великаны, потомки обитателей страны Семи Небес, начали войну с богами, немалая рать пришла сюда, к Дюн-Хору, хранилищу знания и вечности. Жители города отважно вступили в битву с великанами, но силы их были слишком малы. И тогда старейший волхв Дюн-Хора взмолился о помощи к древнему богу Кроносу, верховному властителю и породителю мира. Однако же бог не услышал его. Великаны прошли первые врата и вступили в священную рощу, убивая всех на своем пути. И снова взмолился волхв к богу Кроносу, породителю богов, о защите и помощи. И опять не услышал бог его молитвы. Великаны же продолжали биться и перебили всех защитников Дюн-Хора до единого, и миновали они вторые врата. И понял старейший волхв, что войдут великаны в святилище, заберут себе вечность и знания, обретут власть над миром и станут править в нем до скончания веков. И тогда обратился волхв к богам молодым. К Сварогу, создателю земли русской, к детям его могучим и внукам, рекомым до того часа славянами. Взмолил волхв о защите и помощи, о сохранении сокровищницы древних богов и их вечности. Услышал Сварог слова человеческие, послал сына своего Хорса на битву с великанами. Примчался Хоре на крыльях золотых, метнул в великанов огонь из огней, пламень из пламеней и истребил всю рать без малого. А от самого Куйвы токмо тень осталася, что на стене этой по сей час лежит. Едва закончилась битва, как смирился старый волхв с новым коловоротом жизни. Повелел он закрыть и запечатать все старые храмы на земле русской и молиться отныне

новым, молодым богам, что не утратили еще слуха к людской боли. А себя повелел умертвить у ног старого Кроноса, дабы не изменять своему служению. – Ква, – кивнул Середин, выражая свое восхищение. Он тихо подозревал, что перед ним всего лишь умелый рисунок – хотя легенда явно намекала на нечто вроде ядерного взрыва или лучевого оружия. Впрочем, древние знания – вопрос темный. Никогда не угадаешь, что могло оказаться у предков в загашнике. Тот же порох изготовить намного проще, чем испечь хлеб или сварить пиво. А пить пиво и закусывать хлебом человек умел издавна.

– Третьи врата, – спустился с коня Сварослав, когда скала с тенью Куйвы осталась позади.

– Что-то я их не вижу, – огляделся Середин.

– Первые врата – врата жизни, – ответил старик, вставая на колени. – Вторые врата – врата мужества. Третьи – врата духа. Разве можно высечь дух из камня?

Волхв, поклонившись, поднялся, взял коня под уздцы, двинулся дальше пешком:

– Ты устал, ведун, и не чувствуешь порога духа.

На счет усталости Олег, пожалуй, согласился бы, но примотанный к запястью крестик никак не отреагировал на третьи врата. А уж он точно никак не мог замучиться от долгого пути. Тем не менее, Середин тоже спешился и взял кобылку за поводья. Въехать верхом в чужой двор считалось в здешней Руси немалым оскорблением. А путники, насколько можно было догадаться, как раз входили в Дюн-Хор.

Правда, покамест окружающее пространство ничем не отличалось от пустынной местности, тянувшейся до первых врат. Разве только выступы скальной породы торчали там и сям, в большинстве своем украшенные черными двойными спиралями или двойными кругами с жирной точкой в центре.

Гнедая всхрапнула, потянулась мордой вправо. Олег повернул голову и ощутил легкий запах гари, а затем разглядел на фоне серого вечернего неба несколько дымков. И лишь после этого Середин сообразил, что прямой холм за скалами есть не что иное, как обычный земляной вал, за которым, видимо, и скрывается секретный северный город. Поверх простенького укрепления сохранились

участки кладки из крупных, многотонных валунов – но эти остатки былого могущества, присыпанные снегом, только больше маскировали вал под обычный взгорок с торчащими из него скальными уступами. Ворот Олег тоже не разглядел, и его неожиданно посетила странная мысль:

– Скажи, Сварослав, а почему врата Дюн-Хора стоят на реке, а не на дороге?

– Нет иного пути, окромя Синташты, ведун. – Пожал плечами старик. – Болота округ, леса на сотни верст. Ни пешему, ни конному, ни зимой, ни летом ходу нет.

– Значит, эта река называется Синташтой?

Волхв не ответил, свернув влево, за высокий земляной холм правильной конусообразной формы. Впереди показались заросли карликовых берез – узнать эти изломанные, стелющиеся по земле стволы труда не составляло. В центре уродливой рощицы стоял обветшавший частокол: многие колья накренились, торчали наружу, а некоторые и вовсе попадали, и сквозь щели проглядывали темные идолы славянского капища. Сварослав, оставив коней, вошел в ограду, поклонился идолу, положил что-то к его ногам.

– Не уважают, однако, русских богов в этих землях, – пробормотал Олег.

– То наша вина, ведун, – не оглядываясь, ответил старец. – Мы – волхвы. Они – хранители. Лето придет, братьев привезу. Обновим святилище, жертвы искупительные принесем. Прости слабого своего внука, Отец. Не все помню, не все успеваю…

Последние слова относились уже к идолу, и Середин отвернулся. Молитва – дело очень личное, в нее вмешиваться нехорошо.

Заскрипел снег. Ведун, взявшись за саблю, резко повернулся, отступил на пару шагов, готовый обежать лошадь и схватиться за щит. Однако это были всего лишь мальчишки – трое подростков лет десяти. Меховые штаны, переходящие внизу в мохнатые унты; светлые куртки, немного не доходящие до колен; горностаевые шапки со множеством хвостов, свисающих до плеч или падающих на спину, а спереди закрывающих лицо до уголков глаз. Вся одежда была сшита мехом наружу, что для Руси казалось странным, по краю курток шел рисунок из множества уже знакомых спиралей, закручивающихся в три витка.

– Нас дед Лепкос прислал, – мгновенно остановились ребята. – Сказывал, темный платок над вами витает. Повелел лошадей забрать, покуда живы.

– Сварослав?! – окликнул своего спутника Олег.

– Отдай коней, ведун, – отозвался старик. – Мы пришли. Токмо суму мою седельную сними, в ней грамота тайная.

– Счастливая, – легонько похлопал Середин гнедую по морде, – сейчас отсыпаться пойдешь. А мне, видать, не положено.

Лошадь презрительно фыркнула: дескать, тебя бы на мое место – вторые сутки под седлом. Тряхнула головой.

– Все, все. – Ведун отпустил подпруги, снял с задней луки щит, перекинул за спину. – Сейчас попьешь, поешь, отоспишься. А обещание про хлеб помню. Просто нет у меня сейчас хлебушка. После отдам.

Затем он снял с седла волхва полотняную сумку, повесил на плечо.

– Все, забирайте. Да только не торопитесь с ними! Хватит с бедняг, набегались.

Ребята повели скакунов к городищу, а Олег направился к святилищу, задержался в воротах. Крест на запястье оставался холодным – а значит, никакой магической силы в капище не было. Вот уж воистину – не боги дают людям силу, а люди богам. Любая деревяшка может стать намеленным, а потому могучим предметом. И в то же время самый великий храм теряет силу, когда в него перестают приходить верующие.

– Нам пора, ведун, – отвесив идолу низкий поклон, отступил от Сварога старец. – Время позднее. Коли до ночи не поспеем, Лепкос передаст мир иным хранителям, а он ко мне завсегда добрее относился. Пойдем.

Между тем, ночь, по мнению Середина, уже вступила в свои права. И без того низкое, холодное солнце спряталось за горизонт, на землю пришла тьма. Плотные облака не давали пробиться к холмам и скалам ни скупому свету звезд, ни желтоватому сиянию луны, и только посиневший в ночи снег продолжал

отражать неведомо откуда берущиеся розовые отблески. Мороз заметно окреп, и вырывающийся изо рта пар мгновенно оседал инеем на усах, на наушах шапки, на вороте и крючках налатника. Уже в который раз Олег удивился выносливости старика. Возможно, под свободным балахоном волхва и были поддеты меховые штаны и кафтан, возможно, он носил очень теплые носки или портянки в грубых поршнях – но голову его укрывал только суконный капюшон, а на руках не имелось ни рукавиц, ни даже простеньких перчаток.

– Идем. – Сварослав, опираясь на посох, вышел из святилища и уверенно направился вкруг частокола дальше, в темную пустоту.

Олег, ориентируясь больше по мерно похрустывающему впереди снегу, двинулся следом. Розоватые отблески на снегу становились все ярче и ярче, неожиданно по лицу повеяло жаром, и впереди открылся висящий на десятиметровой высоте фонарь. И вот тут кожа под серебряным крестом впервые ощутила жжение.

Фонарь был заключен в абажур тонкого плетения, почти не задерживающий света. Из-за плеча всходящего на холм старика Олег прекрасно различал бойкие языки пламени, взмывающие над ними искры, темные торцы лежащих в очаге камней, и фигуры людей вокруг костра… С каждым шагом становилось ясно, что фонарь был всего лишь обманом зрения, а на самом деле впереди, на самой вершине какой-то возвышенности, стоит некий каркас, под которым отдыхают у очага трое человек. Один сидит, поджав под себя ноги, двое лежат на боку, любуясь голубоватым огнем, весело играющим на бесформенных кусках каменного угля.

– Поклон вашему миру. – Волхв низко склонил голову и шагнул внутрь.

– Да обретет радость всяк, сюда вошедший, – степенно кивнул сидящий у огня обитатель странного сооружения.

– Поклон вашему миру, – повторил Середин и невольно поклонился, входя в низкий проем.

– И тебе радости в каждом из дней, незнакомец, – ответил ведуну туземец.

Он был одет только в легкие штаны из тонкой замши и меховую безрукавку, раскрытую на груди. В свете огня кожа незнакомца казалась желтой и дряблой. Возраст с первого взгляда определить не удалось: лицо в морщинках, но нет ни усов, ни бороды, ни следов бритья. Нос приплюснутый. Выступающие скулы, тонкие брови… Хозяин очага походил бы на классического чукчу, если бы не глаза с широким разрезом, в которых плясало золотисто-алое пламя.

Туземец неторопливо протянул старческую руку прямо в огонь, достал оттуда бронзовую чашу, подал Свароставу:

– Испей с дороги, друг мой.

Волхв спокойно принял угощение, немного отпил, предложил Олегу:

– Вот, возьми, ведун. Это придаст тебе сил.

– Да, сейчас, – кивнул Середин и бросил щит на выстеленный шкурами пол. – Поставь пока, я немного разденусь. Что-то жарко тут.

В странном, просвечивающем насквозь, сооружении и вправду было тепло. Ведун расстегнул налатник, снял, положил рядом со щитом, потом приблизился к стене. Она представляла собой хитроумно переплетенные оленьи рога. Никаких креплений – многочисленные отростки рогов входили в зацеп друг с другом, с соседними «лапами». В целом строение напоминало огромную корзину из мудрено перевитых прутьев. И что самое интересное – сквозь полупрозрачную стену не дуло наружным холодом. Наоборот – она дышала теплом.

– Что было живым, незнакомец, – ответил на невысказанный вопрос туземец, – навсегда сохранит живое тепло и не пропустит сквозь себя ни тьмы, ни холода.

Олег, недоверчиво усмехнувшись, протянул вперед левую руку, словно хотел потрогать рога пальцами, – и крест тут же испуганно уколол запястье жаром.

«Так и есть, – мысленно кивнул Середин, – обыкновенное колдовство. Пусть они свои сказки про „живое тепло“ да „энергию жизни“ диким лапландцам рассказывают».

– У твоего друга совсем нет веры, Сварослав, – покачал головой хозяин очага.

– Зато в нем много отваги. Лепкос, – ответил волхв. – И он умеет обращать ее на благо многих, а не на свою наживу. Он послан мне Сварогом в тяжелый час в ответ на последнюю молитву и бился с ворогом, ако Хорс с Куйвой. Однако же меня привел к твоему очагу, мудрый Лепкос, не зов дружбы, а беда страшная, горькая напасть на отчие мои земли. Ведун, сделай милость, подай мою суму.

– Никто меня не посылал! – буркнул себе под нос Олег, однако сумку передал, а сам присел на оленьи шкуры рядом со щитом, потрогал чашу: горячая.

– Странное послание, Лепкос, как я мыслю, связано с напастями этими. И записано оно письменами не русскими, каковым мы детей малых в святилищах учим, а древними, мало кому ныне внятными…

Волхв откинул полотняный лоскут, защищающий содержимое сумки от снега и неизбежного в дальнем пути мусора, запустил руку внутрь, пошарил, напряженно прикусив губу…

– Вот оно! – Сварослав извлек свиток, вручил хозяину странного жилища.

Тот небрежно стянул ленту, развернул пергамент, глянул на него, покачал головой и небрежным жестом бросил в огонь.

– Да ты чего?! – Середин, сорвавшись со своего места, кинулся к костру, попытался сунуть руку в пламя и достать уже скручивающуюся с краев грамоту, но жара выдержать не смог и отступил: – Ты чего, старый, совсем умом сдвинулся?! Ты хоть знаешь, чего нам стоило эту писульку сюда довезти? Сколько людей за нее жизнями заплатили?

– Он еще очень юн, Лепкос, – покивал Сварослав. – Молод и горяч.

– Сам ты дурень стоеросовый! – не удержался Олег. – Это для этого ты меня почти неделю без отдыха гнал?! Чтоб камины письмами топить?

– Немало людей за эту грамоту живот отдало, – спокойно произнес хозяин. – Ты хотел, отрок, и наши животы к ним добавить?

– Чего?! – не сообразил Середин.

– Это зов, отрок, – покачал головой Лепкос. – Зов плоти земли и воды. Хочешь, я скажу, кто изводил вас на всем пути от русских равнин? Порождения земной плоти велики ростом, неуязвимы ни железом, ни заклятием. Но они глупы и медлительны. Арии рекли их монголами, могучими рабами. Другие, керносы – порождения плоти воды – хитры и быстры. Они похожи на болотных гадов, обретших ноги и размеры великие. Но плоть их слаба, и они подвержены смерти, как существа живые.

– Значит, вы их знаете… – прикусил губу Середин. – Тогда посоветуйте, как их истребить?

– Дело сие зело тяжкое, отрок, – поморщился хранитель древних знаний. – Пока есть зов, земля и вода станут порождать их волна за волной, пока не сгинут они совсем, пока земля не сделается пустыней, а вода – солью. Исчадья сии порождены были во времена четвертого неба. За тысячу лет они заполонили все земли, и не стало от них спасения ни в горах, ни в морях, ни в болотах. Иные были размером с дерево и пожирали за раз целые племена и народы. Иные имели пасти, что вмещали пять лошадей, и жили в водах рек и морей, и не давали никому подойти к берегу, так что города вымирали от жажды прямо на берегах. Однако во время третьего неба мудрецы нашли заклятие, обрушившее смерть на страшные порождения. И землю на пять локтей усыпало костями керносовыми, а кровь их, просочившись в недра земные, образовала бездонные моря и озера. С того часа всем ариям под страхом кары небесной заказано было порождать любых тварей неживых и немертвых.

– Правильное решение, – окончательно успокоившись, Олег снова уселся на шкуры, потрогал кубок. Тот оставался довольно-таки горяч, но уже терпимо, в руки взять было можно.

– Во время первого неба, когда арии стали спускаться на землю и смешиваться с людьми, колдуны решились нарушить запрет и создали зов. Любой арий мог написать зов на пергаменте, песке или глине, и плоть земная и водная отдавала ему свою силу. Порождения зова подчинялись только тому, кто его написал. Когда же к часу их появления хозяин оказывался мертв, они истребляли всех, кто оказывался рядом.

– А потом? – Олег осторожно поднял чашу со щита. – Что происходило потом? Монголы и керносы так и сходились на зов?

– Да, отрок, – кивнул Лепкос, – сходились. Но колдуны первого неба были мудрее своих предков, и зов их стал слабее. Он слышался токмо на день пути и порождал не таких страшных тварей, как прежние.

– Понятно. – Ведун пригубил чашу. Покачивающийся в ней напиток янтарного цвета оказался невероятно густым и жирным бульоном, и только огромное количество перца и иных специй забивали изрядную сальность, позволяя употреблять варево без обильной закуски. – А что это за время – «первое небо», «четвертое небо»? Это какое летосчисление?

Лепкос, поворотившись всем корпусом, уставился в глаза Олега немигающим взглядом. Потом развернулся к Свароставу.

– Он чист, как весенний родник, друг мой, – развел руками волхв. – Мое изумление было велико, как владения Мары, и полно, как окиян-море. Он не знает ничего. Вовсе ничего. У него нет рода, нет бога-покровителя. И он ищет встречи с нежитью, ако арий шестого неба.

– Может, мне соизволят сообщить, что происходит? – допив бульон, Олег с грохотом стукнул чашей о щит. – Я все-таки не полено, чтобы меня в глаза без объяснений обсуждать!

– Ты не знаешь про гору Мира? – Лепкос повернул лицо к огню и довольно зажмурился.

– Про трубку мира знаю, – пожал плечами Середин, – а про гору – нет.

– Тогда отдай мне чашу.

– Пожалуйста. – Олег взял со щита чашу и вручил хозяину.

– Ярейяха, сделай-ка нам еще, – передал ее Лепкос дальше.

Впервые за все это время один из лежачих туземцев пошевелился: достал из-за спины небольшой мешочек, раскрыл, ножом настрогал с полкило сала от белого ноздреватого бруска, потом из другого мешочка от души присыпал бурым порошком, протянул чашу обратно.

– Гора Мира стояла здесь спокон веков. – Лепкос непринужденно установил широкий бокал с салом в самые угли. – Кронос воздвиг ее в центре земли, округ которого гуляли Ярило и Луна. Поставил в знак любви к прекрасной Авродите. Гора была сделана из чистого золота, вершиной своей она касалась верхней тверди, а основанием стояла на тверди земной. На нижней тверди для всех земных тварей сияло солнце, текли реки. На верхней днем сияло Ярило, а ночью светили звезды и Луна. И в безмерном счастии своем Кронос создал на горе Мира семь небес, семь ступеней счастья. И населил их подобием своим и любимой своей.

– Семь… – кивнул Олег, давая понять, что он внимательно слушает, хотя в области живота разрасталось сытое усыпляющее тепло, а по коже побежали щекотные, мелко покалывающие мурашки.

– Порождения сущего бога, ничем не отличимые от него, жили на седьмом небе счастья, – продолжал Лепкос. – Они звались ариями. На седьмом небе не было ничего, кроме счастья, и арии жили там незнамо сколько, пока… Пока не пресытились пустым счастьем. И тогда они начали спускаться на шестое небо. На шестом небе счастья стало меньше, его уже не хватало на всех. Арии начали бороться за счастье, и это показалось им весело. Многие тогда начали спускаться на пятое небо. Там было еще меньше счастья – но там бог Кронос оставил знания, сытость, утоление жажды и иные наслаждения. Арии стали жить там и радоваться, пока не пресытились и не снизошли на четвертое небо. Там оказалось куда меньше наслаждений, но ариям нравилось бороться за то, чтобы получить их. И многие даже стали спускаться на самую твердь, где токмо знание и радость борьбы позволяли им сравняться с прочими тварями. Потом арии спустились на третье небо, научившись враждовать. Потом на второе, научившись мириться и радоваться власти над побежденным. Потом было первое небо, где арии научились причинять боль и страдания. А потом они и вовсе сошли с небес, пресытившись счастьем и радуясь нечистым удовольствиям.

– Поначалу племена, успевшие заселить землю, потомки первых ариев, возрадовались явлению великих исполинов, мысля их добрыми и славными, ако

их предки. Люди к тому времени достигли высот безмерных в любви своей и радости. Носили они лишь ткани легчайшие, а для дел любых пользовали токмо изделия серебряные, почитая прочие металлы недостойными для взятия в руки. Они строили грады из земли и дерева, идолы вырубали токмо из самоцветов крупных и гранитов искрящихся. И обрадовались люди, что новые арии научат их новым наукам и удовольствиям. Но, вкусившие из чаши нечистых радостей, арии стали угнетать людей. Питаясь мясом человечьим, они изгоняли утробные плоды женщин для приготовления снеди. Блудно сожительствовали с родными матерями, сестрами, дочерьми, с мальчиками, животными; не уважали богов и творили всякие беззакония. И взмолились люди древним богам о милости. Явился на их призыв великий Крон и впал в ярость безмерную от увиденного. В гневе своем он раздавил гору Мира, залил ледяной водой ее останки, проклял земли сии страшным проклятием и запретил Ярилу подниматься на небо сорок раз по сорок лет.

Хозяин очага замолк, протянул руку, покачал чашу, в которой, в светло-желтой луже, плавали белые лохмотья еще не разошедшегося жира. Вздохнул.

Лепкос опять вздохнул, вынул чашу из очага, немного отпил натопившегося в ней жира.

– Снег и лед покрыли цветущие земли, – продолжил хранитель знаний. – Холод воцарился в селениях и городищах. Многие люди и арии тогда пошли вслед за скрывшимся Ярилом и теплом. Они бросили дома свои и долы как есть, не взяв в далекий путь ни котлов серебряных, ни игл и малых игрушек, ни топоров тяжелых, ни ножей вострых, уповая токмо на милость богов и мудрость колдунов. Многие служители храмов закрыли тогда свои святилища, заговорив их и спрятав сонными заклятиями. Многие хранители бросили тогда сокровищницы и отправились спасать живот свой и своих детей.

– А твои предки, Лепкос? – вежливо поинтересовался Олег.

– Мои пращуры остались, отрок, – с достоинством вскинул подбородок хранитель. – Они открыли тайну горючего камня и сохранили тепло в жилищах и знания в памяти.

– Значит, ты – потомок древних ариев? – сделал естественный вывод Середин. – А я-то думал, что арийцы белокожие и голубоглазые.

– Мы все потомки ариев в том или ином колене, – вмешался Сварослав. – Однако же хранители – потомки первых ариев, а многие иные народы – вторых ариев, прошедших все небеса и ставших злобными великанами. Великаны, затеявшие битву с богами, еще приходили сюда за знанием. И те, кто остался жив, осели в окрестных землях, смешавшись с прежними племенами человеческими.

– Отсюда же все ушли!

– Многие, – покачал головой Лепкос, – но не все. Не все предпочли сытость тела развитию духа, а теплые страны – любимой отчизне.

– И великаны ушли не все, – добавил волхв. – Мосох, сын Япета, основал свой род на нынешних землях голядских. От него ведется племя мосховитов. Ямбото остался, под руку свою род веси приняв. Черпаю остался, Селех тоже. Разошлось семя великаново по Руси, рода первых и вторых ариев меж собой смешав. Из колен первых ариев токмо хранители и уцелели.

– Городища наши далеки, места суровы. – Лепкос отпил еще немного и вернул бронзовую чашу в огонь. – Не селятся округ иные племена. Оттого и мешаться не с кем. Токмо новгородцы повадились гостевать. Серебро арийское из-под снега сбирают.

Олег молча кивнул. Все, что он услышал, можно было бы признать всего лишь одной из сказок, красивых древних легенд, если бы не один пустяк: серебро. На севере нет месторождений серебра, и тем не менее именно оно стало основной валютой в Новгороде, наложившем свою лапу на эти земли. Именно здесь зыряне, самоеды и юраки находили под ногами сотни пудов серебра в изделиях – в бусах, кубках, чашах, просто пластинах непонятного назначения. И несмотря на то, что много веков новгородцы превращали всю собранную с туземцев дань в звонкую монету, всякого серебряного добра тут сохранилось в избытке. Этого хватило, чтобы спустя десять веков наполнить коллекции и Русского музея, и Эрмитажа, и московских кладовых. Середин сам видел в музеях пластины с четкими изображениями крокодилов или целые лотки из драгоценного металла с глубокими рубцами на днище. Экскурсоводы рассказывали, что зыряне не видели ценности в найденных корытах и из поколения в поколение рубили в них капусту, или кормили оттуда скотину, пока грязную вошву не выменивал на зеркало или бусы заезжий проповедник или чинодрал.

– Арийцы имели великий рост, светящиеся мечи, кои рубили камень и железо, они могли летать и растворяться в земле. – молвил Сварослав. – Однако же тайны сии остались в сокровищницах, а сыны небес либо умерли один за другим, либо забыли древние тайны на веки вечные.

– Забыли? – приподнял брови Середин. – Интересно, а кто тогда написал только что сожженную писульку?

В хижине из сплетенных рогов повисла неловкая тишина. Сварослав взглянул на Олега с укоризной, словно это именно он нацарапал грамоту, вызывающую из недр земных глиняных чудовищ, а из водных глубин – ловких смертоносных ящериц. Лепкос снова извлек из огня чашу и сделал несколько глубоких глотков.

– Коли ты, отрок, желаешь бросить подозрение на хранителей, то знай: вот уж более двух лет и трех зим ни един путник али паломник не ступал на святые земли Дюн-Хора.

– Да мне, собственно, по барабану, – откинулся на меха ведун и закрыл глаза. – То Сварослава беспокойство. Он боится, что земли Суздальские нечисть разорит.

– Нежити не остановятся, – сухо произнес волхв. – Опосля каждого разгрома порождения колдовской хитрости не умирают. Многие погибают, но многие по земле русской разбредаются, пахарей тревожат, скотину пугают, девок забижают, детей малых топчут. Али не ты подрядился людей от пакости нечистой оборонять?

– Я и обороняю, – зевнул Олег. – Коли где увижу монгола или ящера – там и завалю. Дурное дело нехитрое. С ночницами да оборотнями и то совладать сложнее.

– Надобно не тварей земных истреблять! – повысил голос волхв. – Надобно колдуна, нечисть сию вызывающего, к ответу призвать, жало ядовитое вырвать!

– Рвите… – снова зевнул Середин, – Я ведь его не защищаю… Я ведь только на Бабу-Ягу хоть одним глазком глянуть хотел… А там и назад податься можно… Долг за мной есть для друга одного из Новгорода. Встретиться я с ним по весне обещал…

От костра веяло приятным жаром, и навстречу теплу внешнему разливалось внутреннее – от желудка. Полуторасуточный переход сказал свое последнее, самое веское слово: лежащий на мягких шкурах Олег решил ненадолго прикрыть уставшие глаза и тут же заснул.

– Он чист, но храбр. Он не имеет покровителя, но не страшится темных сил. И к тому же, Лепкос, он послан богами.

– Меня никто не посылал, – зевнул Середин и открыл глаза.

В Дюн-Хор пришел рассвет. Солнце, приподнявшись над горизонтом на высоту одноэтажного дома, пронизывало сооружение из рогов насквозь, а огонь почти погас – угли рассыпались на мелкие камушки, над которыми еле поднимались зыбкие огоньки. Двое из трех туземцев ушли, и возле очага оставались только хранитель и волхв. И сам ведун, естественно.

– Ты вступил в бой с монголами и керносами, когда я вознес Сварогу свою последнюю молитву, – безапелляционно сообщил старик.

– Вам просто повезло, что я проезжал мимо.

– В этом мире ничто не происходит случайно, – покачал головой суздалец. – Все мы ведомы богами и токмо волею их встречаемся и разлучаемся на просторах земли русской.

– Я являюсь сторонником свободы воли, волхв, – покачал головой Олег. – Меня эти штучки на счет всеобщей предопределенности ничуть не трогают.

– Ты воин, ведун! – повысил голос Сварослав. – Никто, окромя тебя, не отважится сразиться с колдуном. Я стар, у меня нет сил на подвиг сей. Хранители не знакомы с мирскими нравами, а прочие ратники не отважатся скрестить клинки с порождением тьмы и слугой Чернобоговым. У тебя нет небесного покровителя, и ты способен принять волю великого Кроноса, бога арийцев. Он приведет тебя к победе и уравняет силы твои с силами колдовскими.

– Я не готов, – поднялся на ноги Середин и сладко потянулся. – И вообще, мы так не договаривались.

– Ты избран богами, смертный! – Волхв тоже вскочил и гулко ударил посохом о мягкие оленьи шкуры. – Как смеешь ты противиться их воле?!

– У него нет покровителя, Сварослав, – усмехнулся у огня хранитель. – Оттого и противится. Для него нет богов. – Лепкос повернул голову и с легкой ехидцей посмотрел на Олега снизу вверх. – Однако же слышал я, ведун, ты берешь плату за истребление порождений тьмы. Я заплачу тебе за смерть колдуна. Серебром.

– Не хочу.

– Настоящим серебром. Арийским… – Хранитель древних знаний поднял правую руку на уровень груди и раскрыл ладонь. На ней лежал крест – но это не было распятие. Массивная серебряная фигурка изображала человека с раскрытыми за спиной крыльями.

– Не хочу.

– Разве когда-либо ты получал плату больше этой? – удивился Лепкос. – В тебе говорит упрямство, отрок, а оно плохой советчик.

– Не все измеряется деньгами, старик, – покачал головой Середин.

– Я знаю, – кивнул тот. – Ты не ищешь наживы, ибо истребляешь нечисть везде, а не возле людей торговых, имеющих мошну богатую. Ты не ищешь славы, ибо вершишь дело ратное в густых лесах, а не в княжеской дружине. Ты не ищешь покоя, ибо дом твой – дальняя дорога. А посему мыслю я, ты ищешь мудрость. Ты ее получишь, отрок. Ты получишь мудрость предков, небесного покровителя и серебро. Но за это ты исполнишь волю богов. Не отвечай мне, ибо душа твоя полна гордыни. Я помогу тебе успокоить сердце. В городище вам отведены светлые палаты, вас ждет горячий мед и жирное мясо. Ступайте. Оба вы есть гости вечного Дюн-Хора. Не думайте ни о чем. За вас это сделает Дюн-Хор.

Очаг догорал, давая совсем мало тепла. Да и то стремительно уходило через решетчатые стены, сквозь которые гостей неожиданно ударил порыв морозного северного ветра.

Середин коротко выдохнул, посмотрел, как от губ разлетается легкое облачко пара, подобрал налатник, накинул на плечи, поленившись застегивать крючки, подхватил и перебросил за спину щит.

– Своим недоверием ты обижаешь хозяев, ведун, – укоризненно покачал головой Сварослав.

– Если бы не доверял, взял бы в руку, – усмехнулся Середин и пригладил мягкие усы.

С тех пор, как он собственноручно сотворил заклятие, швырнувшее его в этот то ли древний, то ли просто чужой мир, Олег ни разу не брился, а потому волей-неволей обзавелся усами и небольшой бородкой. Увы, как все это выглядит со стороны, он не подозревал – поскольку зеркал приличных на Руси пока не имелось. Но на ощупь усики отросли не длинные и пушистые, как у Буденного, а темные и узкие. Да и борода размерами не побаловала.

Хранитель древних знаний, взглянув на гостей снизу вверх, многозначительно кивнул, извлек из углей желтую, слабо светящуюся чашу и поднес к губам.

– Ква… – отвернулся ведун. Про то, как люди ходят по углям, он слышал, а пару раз Ворон даже пытался своих учеников к этому приобщить. К счастью, костер ему развести перед клубом не разрешили. Но пить или даже просто взять в руку раскаленный в очаге металл – это выходило за пределы Олегова понимания.

Старик, не прощаясь с хозяином, вышел из хижины, и Середин, дабы не нарушать местных обычаев, поступил так же.

Ночь старательно замела оставленные на снегу следы, и гостям, жмурившимся от ослепительного солнца, понадобилось протаптывать новый путь. К счастью, идти пришлось недалеко: метров триста мимо заброшенного святилища до ровного льда Синташты, а потом меж скальных пальцев на земляной вал. Туземцам, видимо, уже давно стало лень обходить укрепление через ворота, и они вырубили в глине узкие ступеньки. С одной стороны – глупость, конечно, а с другой – плесни сверху пару ведер воды, и не будет нападающим от этих ступеней никакой пользы.

Поднявшись наверх, Середин прикрыл ладонью глаза от солнца, оглядывая селение, и тихонько присвистнул: опять спираль! Высокий вал не просто опоясывал город по периметру – он закручивался внутрь. И не просто закручивался – местами виднелись ходы между валами, перемычки, мостики.

– Электрическая сила, да это же лабиринт! – охнул Олег. – Надеюсь, нам не нужно его преодолевать?

– Это дозволяется токмо достойным, принявшим посвящение. – Старик подобрал полы балахона, повернулся боком и начал осторожно спускаться по ступеням вниз.

Расстояние между валами составляло метров пятнадцать, и между ними шел ряд из невысоких каменных строений. В нос привычно дохнуло запахом прелости, навоза, свежего хлеба, сена – того, что всегда выдавало близость человеческого жилья. Откуда-то слышались конское всхрапывание, радостное похрюкивание, деловитое кудахтанье, но живности никакой видно не было. Хотя – откуда? Не пустят же местные жители скотину на снег пастись. Люди тоже особо не гуляли. Навстречу гостям попались только тройка укутанных в шкуры женщин с плотно набитыми матерчатыми котомками за спиной, несколько мальчишек лет десяти, с гиканьем гоняющихся друг за другом, да один угрюмый старик с непокрытой лысой головой и длинной палкой в руке. К концу палки был крепко примотан ремнями камень размером с два кулака – самый обыкновенный булыжник, крест на него не отреагировал никак.

– Сюда. – Сварослав, похоже, знал, где отведено гостям помещение. Он уверенно пробрался в щель между домами, шагнул в распахнутые ворота, сделанные в валу, повернул налево, уткнулся в тупик, свернул налево еще раз: там обнаружился другой проход с воротами на одну створку.

Середин старался не отставать, поглядывая, тем не менее, по сторонам. Каменные строения не превышали в высоту полутора человеческих ростов. Кровля, как показалось ведуну, была сделана из дерна; щели кладки замазаны глиной, вместо дверей везде висели или шкуры, или кошма.

– Однако небогато живут храни гели вечных знаний и великих сокровищ, Сварослав, – отметил Олег. – Откуда такая нищета в столь великом месте?

– А кто тебе сказал, что здесь нищета? – неожиданно остановился и повернулся лицом к ведуну старец.

– Я, что, не вижу, что ли? – развел руками Середин.

– Что ты видишь? Что ты можешь видеть?! – возвысил голос Сварослав. – То, что ты видишь, предназначено для плоти. А она – всего лишь сосуд духа. Хранители совершенны, и богатство духа для них дороже бренных накоплений!

– Да-да, я помню, – кивнул Олег. – Истинные арии так брезговали «бренными накоплениями», что не брали в руки ничего, кроме серебра. Оскверниться боялись.

– Ты ничего не понял, хвастливый рубака, – с горечью покачал головой волхв. – Арии брезговали прочими металлами, именно потому, что те подвержены тлену. Токмо век серебра равнялся веку потомков первых жителей небес, и токмо его они брали в руку, дабы не тратить сил на повторное обретение того, что уже получено.

– Век серебра равнялся веку ария? – ошеломленно переспросил ведун. – Это сколько же они жили?

– Много, – лаконично ответил Сварослав. – Вот наши хоромы.

Подойдя к одному из домиков, старик откинул кошму. Под ней обнаружилась шкура, под этой шкурой – еще одна, и только после этого гости очутились в доме.

Здесь оказалось тепло и относительно светло. Пол, стены, потолок – все, кроме небольшого слюдяного окна под потолком, было выстелено жесткими оленьими и более мягкими коровьими шкурами. Тепло исходило от стоящего в центре комнаты объемного казана из толстого серебра, внутри которого чуть покачивался мутный бульон и плавали куски мяса. Олег мысленно почесал в затылке: стоимость металла, понадобившегося для отливки этого котла, на глаз превышала цену всего города, который Середин успел увидеть. Вслух ведун ничего не заметил, просто обошел комнату – уж очень маленькой она представлялась по сравнению с домом. Метра три на три, не больше. Вскоре стало ясно, почему: за одной из висящих на стене шкур обнаружился проход в

конюш– ню, где благополучно жевали сено гнедая и чалый Олега и оба Сварославовых коня. Увидев хозяина, лошадь заржала, требовательно стукнула копытом.

– Здесь я, здесь, все хорошо… – Ведун подошел к ней, потрепал по шее, прижался к горячей морде щекой. – Ты как, отдохнула?

Лошадь фыркнула и замотала головой, вырвав ее из рук.

– Да ладно, ладно, шучу, – рассмеялся Середин. – Отдыхай еще, мы никуда не торопимся.

На душе стало неожиданно легко и спокойно. Ведун скинул налатник и косуху на сложенные в углу сумки, туда же опустил щит, вернулся в жилую комнатку и присел к котлу, по-турецки сложив ноги; выдернул из костяных ножен на поясе свой тонкий короткий нож:

– Ну что, Сварослав, подкрепимся?

– Отчего не подкрепиться? – Волхв, обнажив свой обеденный клинок, подтянул повыше подол балахона, опустился напротив, наколол крупный кусок с полупрозрачной прожилкой, ухватился за него зубами.

Середин тоже выбрал и нанизал себе кусок мяса, неторопливо его объел. Когда закончил – взял еще, поинтересовался:

– А чем запивать дадут?

– Этим и запивать, – указал на бульон старик. – Али ты мыслил, мед-пиво поднесут? Так не балуют хранители винами да медами хмельными, сладостями заморскими, пряностями индийскими. А долг человеческий – дух свой растить…

– Это я уже слышал, – остановил его Олег. – Так, с запивкой все ясно. А как с удобствами? По нужде на двор бегать нужно?

– Женилку отморозишь, на двор бегамши, – усмехнулся в бороду волхв. – В хлеву бадья имеется на такой случай.

– Ну, тогда живем, – подвел итог ведун, вылавливая третий кусок и понемногу его обкусывая. Желудок, сперва обрадовавшийся щедрому горячему подношению, вскоре запросил пощады, не в силах вместить все, что хочется. – Однако сыто живут потомки небесных ариев.

– Плоть для хранителей – сосуд духа, – сладко зевнул волхв. – А потому сосуд этот надобно беречь, держать в тепле и сытости.

– Ты так и не ответил мне. – Задумчиво ковырнул ведун ногтем край котла. – Ты так и не сказал: сколько жили первые арии?

– Кронос создал их подобными себе. – Старик спрятал нож в ножны, поднялся от котла, отошел к стене, разгреб лежащие там оленьи шкуры. – И век их равен был веку божьему, золотому. Однако же злоба и плотские утехи сократили их век до века железного кольца. Каждый раз, как спускались потомки Кроноса с неба на небо, и сокращался их век. Золотой, серебряный, медный, свинцовый, оловянный, железный, глиняный. Злые великаны жили меньше дворового пса – и потому затеяли войну с богами. Дабы отнять власть небесную и вернуть себе век золотой. Но победили боги. А уцелевшие великаны смешались с потомками первых ариев – тех, что спустились на землю сразу с шестого неба и сохранили серебряный век. Они смешались с людьми и продлили свой век до железного, а людской сократили до… – старик запнулся. – Э-э-э… Тоже до железного. Посему и ведем мы свой род не от Кроноса, а от Сварога, прародителя, деда нашего. Токмо чистые дети и внуки ариев сохранили серебряный век. Токмо они живут до того часа, пока отлитая на их рождение серебряная ложка не рассыплется в серый прах. Так вот. А как спать соберешься, ведун, так у стены, что ближе к хлеву, тоже шкуры свалены. Они чистые, выделанные, на зимнем солнце выбеленные, от гнуса всякого выморожены. Заворачивайся в них без опаски и спи. Как боги о нас вспомнят, Лепкос придет. Лепкос с богами дружен…

Сварослав зевнул еще раз и окончательно затих.

– Век серебра… – задумчиво пробормотал ведун. – Это же сколько он должен жить?

Получалось, что много. Серебро, оно, конечно, не золото. Золото просто вечно. А серебро за несколько лет темнеет, покрывается пленкой, потихоньку разлагается. И все-таки… И все-таки срок его разрушения исчисляется как

минимум сотнями, если не тысячами лет. И если кто-то из чистокровных арийцев родится сегодня, то, очень может быть, ему доведется слетать к Альфе Центавра по туристической путевке.

Олег тряхнул головой, чтобы избавиться от дурных завистливых мыслей, потом решительно откатился к стене и зарылся под теплые шелковистые шкуры.

Проснулся Середин от соблазнительного запаха жаркого. Закрутившись в теплой меховой постели, ведун высунул голову наружу и увидел Лепкоса, сидящего на корточках перед закопченным серебряным казаном. Из зажатого в левой руке мешочка хранитель доставал по одному какие-то мелкие коричневатые катышки, похожие на птичий помет, и попеременно кидал то в дышащий жаром котел, то себе в рот.

– Сегодня еще вчера или уже завтра? – сонно поинтересовался Олег, выбираясь наружу.

– Завтра, – усмехнулся хозяин. – Зело завтра.

«Зело», по всей вероятности, означало, что время давно за полдень. Через слюдяное окошко бил яркий свет, куча шкур у противоположной стены пустовала – у Сварослава, видно, уже нашлись неотложные дела.

– А это что такое? – кивнул на катышки Середин, присаживаясь к казану.

– Почки еловые.

– А-а-а… – Ведун успокоился, обнажил нож и наколол себе из густого соуса кусок помясистее. Почки хвойного дерева – известное средство от цинги. У северян, сидящих на чисто мясной диете, проблема с витаминами является хронической – равно как у вегетарианцев извечные заморочки с умственным и физическим развитием.

– Скажи, Лепкос, а как вы мясо подогреваете? Я тут что-то никакого очага или печи не вижу.

– Его варили не здесь, – покачал головой хранитель, завязывая свой мешочек с витаминами. – Я просил добрую Ябтомылку принести угощение к тому часу, когда вы придете и когда проснетесь.

– А откуда ты знал, когда мы придем? – не понял ведун.

– Меня зовут вещим, – скромно ответил хранитель.

– Вещий Лепкос… – Олег задумчиво покрутил перед собой обтекающий жиром мясной кусок. – Не скучно жить, зная все наперед?

Сидящий на корточках хозяин усмехнулся, покачал головой:

– Странные речи ты ведешь, отрок, для ратника и бродяги… Далеко зришь, да мало понимаешь. Хорошо, отвечу тебе, как гостю, хотя посвящения и не имеешь…

Хранитель подтянул к себе шкуру, положил рядом. Сверху кинул еще одну.

– Смотри, отрок. – Он запустил пальцы в шерсть самой нижней, лежащей на полу, шкуры. – Когда живешь здесь, округ ничего не различаешь. А когда здесь… – он поднял руку на шкуру повыше, – отсель видно, что понизу творится. Однако же ничего не видно окрест. А отсель… – Он переложил ладонь на третий слой меха. – Отсель видать, что понизу творится. Что совсем внизу – плохо, что повыше – хорошо.

– И таких слоев, наверное, семь? – предположил Олег.

– Три, – отрицательно покачал головой Лепкос. – Четвертое небо люди называют смертью.

– Значит, после смерти люди мгновенно становятся равными самым могучим колдунам? – сделал вполне естественный вывод Олег.

– Мы плохо знаем законы четвертого неба, – осторожно ответил хранитель. – Однако же многие из смертных слышат голоса почивших родичей и друзей и получают их помощь.

– Да, это бывает, – признал Середин, глядя на уложенные одна поверх другой шкуры. – Бывает…

Он торопливо сжевал оставшееся на ноже мясо и ткнул клинком в верхний слой:

– А не значит ли это, уважаемый, что добравшийся до высшего уровня колдун уже не способен видеть нижний уровень через промежуточную преграду?

– Не способен, – согласился хранитель. – Если только… Если только здесь, – указал он на второй слой шкур, – если здесь нет его учеников.

– Вот, значит, зачем нужны ученики? – Вернул оружие в ножны Олег. – Ученики следят со второго уровня за первым, колдун «прикрывает» их сверху, а сам… А самому ему, получается, требуется покровитель из мертвецов?

– Хватит! – Хозяин резким движением откинул шкуры в сторону и выпрямился во весь рост. – Для непосвященного ты и так узнал слишком много.

– А на каком уровне находишься ты, Лепкос? – поинтересовался Олег, тоже поднимаясь.

– Зачем тебе знать? – пожал плечами хранитель. – Ведь ты все равно не пойдешь ко мне в ученики.

– Тебе требуются ученики, – понимающе кивнул Середин. – Значит, ты собираешься перейти на третий уровень, но пока находишься на втором.

– Ты умеешь быстро делать выводы, – одобрительно кивнул Лепкос. – Но забываешь учесть все возможности. Посвященный может искать только знания, но не власти над нижним миром. И тогда ученики не понадобятся ему вовсе.

– Тогда ему один путь – в отшельники.

– Если бы мир был так прост, отрок, – вздохнул хранитель. – Но помимо власти, знания и учеников существуют еще долг, друзья, женщины и дети.

– А разве арийцы шестого неба не ограничены в своей жизни только чистым счастьем? – припомнил вчерашнюю лекцию Олег. – Для их уровня развития Кронос из всех удовольствий оставил только это, да и его на всех не хватало.

– А разве мы говорим про арийцев серебряного века? – мягко улыбнулся Лепкос. – Арийцы шли в своем духовном развитии от богов к смертным, сверху вниз. Наша участь – проделать тот же путь в обратном направлении.

– Вот, значит, какая цель у обитателей Дюн-Хора?

– Наша обязанность – сохранить древние тайны, оставшиеся от далеких предков, уберечь их сокровища от дурных рук и черных мыслей, – покачал головой хранитель. – Однако же ты умеешь задавать неудобные вопросы.

– Ну, раз уж я сюда все равно приехал, – пожал плечами ведун, – нужно узнать обо всем побольше.

– А разве ты не ведаешь, смертный, – в голосе хозяина прозвучал зловещий холодок, – что большие знания приносят своему обладателю маленькую жизнь?

– Ну, положим, серебряный век мне и так не светит, – хмыкнул ведун, – а железный у меня еще отобрать нужно. Некоторые пытались – да будет им земля пухом.

– Ты мой гость, отрок. – Развернул плечи хранитель, и меховая безрукавка разошлась, обнажив тощую костлявую грудь. – В моем доме для тебя нет опасностей.

– Благодарю тебя за доверие и кров, мудрый Лепкос. – Олег сообразил, что разговор их повернул в нехорошее русло, а потому с преувеличенной вежливостью приложил правую руку к груди, почтительно поклонившись, а левой задвинул болтающуюся сбоку саблю за спину, чтобы глаза не мозолила.

– Я слышал, отрок, ты проделал столь дальний путь, дабы узреть великую праматерь всех женщин богиню Ягу?

– Это так, мудрый Лепкос. – Выпрямился Олег.

– Я пришел, дабы проводить тебя к ней. – Хозяин повернулся и двинулся к дверям. – Идем.

– Электрическая сила! – Заметавшись, ведун заскочил в хлев, подхватил там свой налатник, сцапал шапку и выбежал следом.

На улице суровый северный мороз тут же принялся нещадно щипать за щеки, за нос, холодить грудь, а потому Середин надвинул шапку поглубже, запахнул налатник, застегнувшись на все крючки. Хранитель же шел впереди, как был в доме – в одной жилетке, в тонких штанах и с непокрытой головой. И никаких мурашек от холода или посинения кожи у него покамест не наблюдалось.

Лепкос вышел из ворот, обогнул край вала, быстро дошагал до следующего поворота. Там старик раскланялся с каким-то мужчиной в длинном меховом балахоне с отороченным лисой капюшоном, спешно двинулся направо по утоптанной дорожке, перепрыгнул узкую канавку, по которой, несмотря на мороз, тек ручеек парящей воды. Здесь Середин нагнал хранителя и пристроился рядом, глазея по сторонам.

Местных обитателей по-прежнему встречалось мало. Веселящиеся дети, несколько женщин с котомками, одинокая брехливая собака – и все. Правда, теперь Олег обратил внимание и на то, что, невзирая на всю странность формы, для обороны город довольно удобен. Если противник врывался на узкие улицы между валами – защитники имели прекрасную возможность расстреливать его сверху из луков или забрасывать копьями. Занятие вала тоже не приносило особой выгоды: остатки стен располагались у обращенного наружу края. Значит, за ними могли укрываться только обороняющиеся – для атакующих они были бесполезны. Лабиринт улиц не позволял найти быструю дорогу к центру города, чужакам пришлось бы долго петлять по ним под непрерывным обстрелом. Каждый новый виток сходящейся к центру спирали означал новый оборонительный рубеж. А если далекие предки смогли при всем этом придать городу еще и некий сакральный смысл, то честь им и хвала.

– А еще внутри города нет ветра, – вслух добавил неведомым строителям еще одну «галочку» Олег.

Хранитель никак не отреагировал – он прошел очередные деревянные ворота. За ними открылся совершенно чистый, без единого строения, коридор, тянувшийся

между стенами почти на двести метров к створкам, за которыми виднелся снежный простор. Даже сейчас, когда наверху не было вооруженных воинов, а стены большей частью успели обвалиться, ведун чувствовал себя неуютно – словно в центре арены пред глазами сотен зрителей.

– Нам еще далеко, мудрый Лепкос?

– Как снег позволит, – отозвался хозяин.

Что означала его странная фраза, Середин понял минут через пятнадцать, когда отвернувшие от реки мужчины, перевалив пологий холм, стали пробиваться сквозь искрящуюся, пыльную, рыхлую целину к следующему взгорку. Сперва они брели в снегу по колено, потом уровень покрова дошел до пояса – его приходилось разгребать перед каждым шагом и высоко поднимать ноги. Когда высота сугроба превысила уровень груди, проход начали просто рыть – разгребать снег руками и утаптывать ногами. Хотя работать приходилось голыми руками, холода Олег уже не чувствовал. Наоборот – расстегнул налатник и несколько раз, пытаясь остыть, протер лицо руками Заодно и помылся.

Наконец склон пошел наверх. Правда, с этой стороны оказался наст толщиной в полметра и прибитый ветром с такой силой, что по плотности напоминал пенопласт. Поначалу Середин пробовал рубить его саблей, но вскоре выдохся и уступил место хранителю. Лепкос опустился на четвереньки и принялся быстро пробивать неширокий тоннель. Пройдя так метров сто, он неожиданно выпрямился, раскидал руками снизу наст на несколько метров вперед и зашагал, высоко поднимая ноги. Здесь снег поднимался едва выше колен, что теперь представлялось сущей безделицей.

– Далеко еще? – с трудом перевел дух ведун.

Хранитель молча указал вперед. Там, в очередной ложбине, из земли треугольником выпирали несколько скальных уступов, а между ними поблескивало что-то желтое.

– Ладно, последний рывок…

Середин скинул налатник и двинулся дальше. Метров пятьдесят по колено, потом еще столько же – по пояс, несколько шагов по грудь – и он, опрокинув

вперед снежную стену, очутился в некоем подобии колодца, ограниченного коричневыми скалами. Откуда-то примчался порыв ветра, проскользнул между скал, закружившись в крохотном белом смерче, подхватил осыпанный ведуном снег, обежал бабу и выкинул лишний мусор наружу.

Богиня Яга, мать всех матерей, бабушка всех детей русских, выглядела весьма упитанной дамой, и отнюдь не безобразной. Разве только слегка беременной – животик у нее выпирал, но не во все стороны, а именно снизу и вперед. Справа, возле пупка, у богини имелась странная овальная выемка, но в остальном это была не обычная для степей бесформенная каменная баба, а вполне приличная скульптура. Красивая обнаженная дама ростом немногим выше трех метров, из чистого, поблескивающего нетленной полировкой, золота. Неведомый художник одарил свое творение двумя тусклыми зрачками из обсидиана, а волосы казались белыми из-за какой-то странной паутины. Крест не реагировал на Ягу никак – магической силы в ней не имелось.

Предсказать дальнейшую судьбу этой красоты Середин мог без всякого колдовства: слишком тяжелая для транспортировки, она наверняка будет порублена на куски первым же северным путешественником, вывезена в несколько приемов и продана в ближайшей лавке. И ведуну захотелось взвыть от тоски и бессилия.

– Ну как, – поинтересовался из-за спины храните ть. – Ты рад, что успел узреть ее?

– Да, – перевел дух Олег. – Оно того стоило.

– Так пользуйся. – Лепкос присел перед скульптурой на корточки, сложил ладони на груди, постукивая подушечками пальцев друг о друга.

– Как?

– Если приложить руку к ее животу, то отступят женские хвори, будущий младенец родится благополучно, дети в доме от порчи избавятся, любой мор стороной пройдет.

Олег испытующе глянул на проводника, пытаясь понять, серьезен тот или издевается, однако Лепкос хранил полную невозмутимость.

– Вот, значит, откуда эта вмятина?

– Да, отрок. Она сделана руками тех, кому Яга подарила благополучие. Так выстроен сей мир, что за любое свое деяние надобно платить частицей самого себя. Яга, как сказывали первые арии, рождена сестрой Авродиты и не различима с ней ни ликом, ни силой лечебной. И до того часа, как спустились с первого неба вторые арии, многие бабы к ней приходили, и каждая искру благодати унесла на руке.

– Она красива…

– Это сестра Афродиты, отрок. Сия красота пленила великого Крона и побудила создать его гору Мира и семь небес счастья. Посмотри на нее, отрок… – Хранитель поднялся, отошел назад, и теперь Олег слышал его голос у себя из-за спины, почти в самом ухе. – Посмотри на нее. Она прекрасна. Ее любят все. Она хранит своей любовию каждого малыша, рожденного на земле русской, она незримо парит рядом с ним до поры отрочества, а потому любима всеми. Но настает час, отрок, когда наши матери больше не нуждаются в любви сыновей своих. Они нуждаются в их защите. Это женский бог, отрок. Боги воина выглядят иначе…

И Олег вновь увидел перед своим лицом серебряного человечка с распростертыми за спиной крыльями.

– Твое тело суть ножны для клинка духа. У тебя нет учителя – жизнь твой учитель. У тебя нет властителя – совесть твой властитель. У тебя нет оружия – воля твое оружие. У тебя нет крепости – твердый дух твоя крепость. И ты умираешь снова и снова, чтобы родиться прежним, – горячо зашептал хранитель. – Неужели душа твоя не слышит этих слов? Ты воин, и меч великих предков рвется в твою руку. Неужели ты способен отказаться от меча, воин?..

Олег почувствовал, как за ворот рубахи забирается предательский холодок, и передернул плечами:

– О каком мече ты говоришь?

– Ты избран богами для великой цели, отрок, – в словах хранителя Олегу почуялась довольная усмешка, – и приведен в хранилище древних знаний. Я дам тебе оружие, которое сразит незваных пришельцев, ворогов земли русской. Остальное ты сможешь сделать сам. Шестое небо открылось, ратник. Приходит твой век – Век воина.

– Твоя взяла, хранитель, – признал Середин. – Я не умею бросать оружия. И никогда не откажусь от меча, идущего в мои руки. Чего ты от меня хочешь?

– Ты поклонился матери, настала очередь поклониться отцу. Ты пройдешь обряд посвящения по запретным ритуалам – Первому из богов. Коли ты пройдешь испытание, он войдет в твою душу. С того часа ты станешь одним из ариев, сможешь применять силу заклятий ариев, станешь ощущать близость ариев. Великий Кронос будет оберегать тебя в пути и в сече, давать силы, хранить твой дух. Согласен ли ты, отрок, стать мечом Первого из богов?

– Побывать среди хранителей древних знаний – и не попробовать познать хоть что-нибудь? – пожал плечами Олег. – Конечно, согласен. Авось, пригодится в жизни.

Местный наряд оказался приятным для тела и очень теплым. Олег лежал в санях, смотрел в небо и негромко напевал про себя: «Вихри враждебные веют над нами…». Вихри действительно веяли – ветер холодил нос и щеки, проносил над лицом мелкую крупку, но проникнуть к телу морозу не удавалось.

Переодеться Олега заставил Лепкос – как только они вернулись в город.

– Оставь одежду нового мира здесь, – потребовал хранитель, передавая Середину сверток. – К древнему богу следует являться без одеяний, без оружия и без чуждых помыслов.

– Что же, мне совсем голым оставаться? – не понял ведун.

– Замерзнешь голым, – покачал головой хозяин дома. – Святилище Первого бога под запретом с того часа, как он отказал Дюн-Хору в защите супротив великанов. Древнее капище берегут посвященные, не допускающие молений.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гордей – древнее славянское имя, происходящее от слова «гордый». Каким образом один из Гордеев смог завязать в Средиземноморье знаменитый Гордиев узел – вопрос, выходящий за пределы сюжета данной книги

2

Девятый день.

3

Автор считает обязательным признать, что при написании романа им широко использовались факты из книги В. Н. Демина «Загадки русского севера».

Купить: https://tellnovel.com/prozorov_aleksandr/zaklyatie-predkov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити